

ПАЛЕОСЛАВИСТИКА
ЛЕКСИКОЛОГИЯ
ЛЕКСИКОГРАФИЯ

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ

ПАЛЕОСЛАВИСТИКА
ЛЕКСИКОЛОГИЯ
ЛЕКСИКОГРАФИЯ

Тезисы международной научной конференции,
посвященной памяти Р. М. Цейтлин,
27–29 ноября 2002 г.

Москва
2002

Сборник содержит материалы международной научной конференции, организуемой Институтом славяноведения Российской академии наук при содействии Болгарского культурного института в Москве и посвященной памяти крупнейшего российского палеослависта Рали Михайловны Цейтлин. В докладах рассматриваются актуальные вопросы палеославистики, лексикологии и лексикографии.

РЕДКОЛЛЕГИЯ:

доктор филологических наук А. Ф. Журавлев
(ответственный редактор),

доктор филологических наук Г. К. Венедиктов,
кандидат филологических наук В. С. Ефимова

ISBN 5-7576-0138-8

© Институт славяноведения
РАН, 2002

Семантичната категория темпоралност и особености на темпоралната лексика

Темпоралността е сред универсалните семантични категории, които съществуват във всички езици. Езиковите средства, които влизат в нейните граници се отличават с определени особености, които са различни за всяка една езикова система. Затова проучването на средствата за изразяване на темпоралност в определен език дава възможност за проследяване както на инвариантните, така и на уникалните елементи в границите на категорията.

Обект на изследване в настоящия доклад са прилагателните, производни от съществителни, назоваващи годишните времена. Чрез проучване на взаимоотношенията в атрибутивната синтагма, т. е. отношенията между определящото прилагателно и определяемото съществително, се извлича информация за българската езикова картина на годишните времена в частност и на темпоралността като цяло.

Преди анализа на конкретния езиков материал са представени някои от особеностите на темпоралната семантика.

Времето като понятие се оформя относително късно в човешкото мислене. Причината за това е, че то не може да бъде директно наблюдавано – за него се съди по определени косвени признаци, каквито са, например, промените в природата. Затова и понятието за време е иманентно свързано с развитието на логическото мислене. Като начало, представата за време се гради върху осъзнаването на темпоралните характеристики на действията – времето, което отнема определена дейност, от една страна, и ситуирането на дейността сред останалите предхождащи и следхождащи я други дейности, от друга. Следва изработването на обективни измерителни единици за време, създаването на календарни системи, които са обвързани с природните ритми и т. н. (вж. [Сучкова 1988: 24–45]). На практика всички споменати до тук елементи от познанието за време са част от

универсалните средства за изразяване на темпоралност. Всеки език разполага с лексеми, назоваващи различни отрязъци от време, точки във времето, количество време, календарни единици, ориентационни отношения по темпоралната ос и др. Функционирането им обаче във всяка отделна езикова система има определени особености.

Съществителните, назоваващи годишните времена влизат в групата на езиковите средства, изразяващи определен отрязък от време [Крумова 1972: 77]. Производните им прилагателни също са носители на признака «отрязък от време», но за разлика от съществителните имат по-богата и разнообразна система от значения. Тази тяхна особеност се дължи както на семантиката на прилагателното – да изразява признак на предмета или явлението, изразяван от съществителното, така и на особеностите на темпоралността. Отношенията между определящото прилагателно и определяемото съществително разкриват тези особености.

Анализът на типичните съчетаемости на разглежданите прилагателни е направен върху съвременен материал от Лексикалната картотека на Института за български език при БАН. Картотеката съдържа 219 фиша за прилагателното *зимен*, 208 за *пролетен*, 201 за *есенен* и 153 за *летен*. Прилагателните участват съответно в четири основни типа съчетаемости:

- 1) Съчетания с темпорални съществителни – това са и най-често срещаните съчетаемости;
- 2) Съчетания със съществителни, назоваващи различни метеорологични явления;
- 3) Съчетания със съществителни, назоваващи отделни части от природата;
- 4) Съчетания със съществителни, които са свързани с човека и неговото съществуване.

Всяко прилагателно обаче проявява определени особености на съчетаемост. Например всички прилагателни се съчетават със съществителните *ден*, *време*, *нощ*, *вечер* и *утро*, но проявяват различна честота на съчетаемост. Същото е и при съчетаването на прилагателните със съществителните *слънце*, *дом* и *дрехи*.

Изводите, до които се достига, са, че чрез изследване на съвкупността от типични съчетаемости на прилагателните, производни от съществителни, назоваващи годишните времена, може да се опише българската езикова картина на годишните времена. Типичните съчетаемости дори могат да дадат по-точно описание на отделните сезони

от всяка една енциклопедия. Отделно от това те дават сведения за отношенията между отделните лексико-семантични групи, влизаци в семантичната категория темпоралност.

ЛИТЕРАТУРА

Крумова 1972: *Крумова Л.* Един случай на адвербиализация // Български език, год. XXII, 1972, кн. 1–2.

Сучкова 1988: *Сучкова Г. Г.* Время как проблема гносеологии. Ростов-на-Дону, 1988.

ЭМИЛИЯ БЛАГОВА
(Прага)

Переводческие проблемы первых славянских переводчиков Библии

Старославянские евангелия и псалтырь часто и всесторонне разрабатывались в научной литературе. Гораздо меньше внимания уделялось апостолу и паримейнику, в частности их языку, хотя много материала, прежде всего лексического, собрано в изданиях отдельных рукописей или библейских книг. Следующие наблюдения опираются в основном именно на материал паримейника и апостола, и автор стремится обнаружить причины, почему первые переводчики избрали именно тот или другой вариант, по каким причинам они образовали новые слова, как – под влиянием греческого подлинника – развивалась семантика славянского слова.

Размышления автора иллюстрируются тремя примерами:

1. Перевод греч. ψωμός, ψωμίον, ψωμίζειν. Переводчикам не было известно первоначальное значение этих слов, т. е. ‘кусочек пищи’ и т. д., они знали их только в более позднем значении ‘хлеб’ и переводили соответствующими ему славянскими словами (вследствие чего в некоторых случаях получился «корявый» перевод), при наличии в одном стихе синонимов ἄρτος – ψωμός использовали диалектное *покрѣта*, образовали новый глагол *оухлѣбити* – *оухлѣбити*.

2. Перевод греч. μετανοεῖν. В качестве эквивалента этого греческого слова, употребляется с самого начала славянской письменности *капати сѧ*, слово совсем другого происхождения и другой

основной семантики. Примеры показывают, как расширяется значение этого глагола (и его дериватов) именно на основе его сближения с греч. μετανοεῖν.

3. Перевод греч. ὀλεθρος, ὀλεθριος, ὀλεθρευειν. Эта группа слов переводится в апостоле и паримейнике сложными словами с основой **всьеґоґѵб-/всьеґѵб-, всьетѵл-**. Может быть, переводчикам начальное ὀло-/ὀле- напоминало ὄло-/ὄле-, которое регулярно переводится с помощью компонента **всье-**. Однако можно и предполагать, что переводчики стремились отличить перевод греч. ὀλεθρος и т. д. от перевода греч. (ἀπ)ολλύσαι и других синонимов, которые переводятся **гоґѵб-/гѵб-, тѵл-**.

МАЯ БОЖИЛОВА
(София)

Конотацията като лексикографски тип в Многотомния речник на българския език

При всичката сложност и дискуссионност на термина конотация в лингвистичната теория [Апресян 1995: 157–160], трябва с облекчение да признаем, че в едно лингвистите от различните школи са единодушни – те разглеждат конотацията като «част от прагматиката на думата» [Апресян 1995: 156]. Същевременно трябва да добавим уточнението, че «прагматиката ще се разбира по-тясно, отколкото сега е прието...». Ние ще наричаме прагматиката закрепената в езиковата единица оценка на говорещия към следните три неща: действителността, която е предмет на съобщението; съдържанието на съобщението и адресата [Апресян 1988: 8–16].

Ако правилно сме разбрали скрития смисъл, то именно конотацията е езиковото поле, където в най-значителна степен се кръстосват национално специфичните, уникалните признаци и смисли в езика. Казано с други думи конотацията е обречена да бъде национално маркирана, поради своята идеология (закрепената в нея оценка е сложно мотивирана езиково и извънезиково) и в това, че се проявява динамиката, в едновременното осъзнаване на признака и връзката му с тази оценка. Следователно конотацията винаги е етноезикова и етнокултурна проява и стихия. Тя е творческият езиков дух, излязъл

от затворената бутилка и за миг станал осезаем, видим, понятен. Езиковите прояви на конотацията засягат всички езикови стратификационни нива.

Преливането на конотативната оценка от една езикова единица (по ранг) в друга, (от друг ранг), в рамките на една дума или едно гнездо често създава конотативни вериги в езика, за които е трудно да определим къде е началото, кое е езиково първично и кое производно. Същественото за тези вериги е вътрешната им съвместимост, която позволява една и съща конотативна информация да се движи на различните езикови нива и пред очите ни да онаглеждава, да прави видим «духа на езика».

Когато анализира семантичните процеси в конотативните вериги Ю. Апресян използва израза «семантическа етимология» [Апресян 1995: 169]. В основата на семантическата етимология той поставя *компаративността* като свързващо звено между две езикови единици. Компаративността се възприема условно и най-общо като уподобяване. «Наличието на конотация в думата, може да се фиксира само в този момент, когато несъществен признак на обозначаемото става семантически компонент в тълкуването на някаква друга единица на езика» [Апресян 1995: 169]. Йорданская и Мельчук говорят за «вътрешна форма» т. е. за образна система, която е прозрачна или в някаква степен е осъзната. Този компонент носи «вътрешната форма» на смисъла, неговата образна структура, неговата така да се каже «семантична етимология» [Йорданская, Мельчук 1980: 204]. Очевидно Апресян разглежда конотацията като семантична връзка на езикови единици в рамките на езика. В това разбиране конотацията е вторична (повторна) номинация, защото съдържа в себе си процес на промяна на семантичната структура на думата (промяна на йерархията на семите-признаци и прегрупирането им).

Конотацията съдържа в себе си семантичния механизъм на стилистичната номинация [Гак 1977], но не се изчерпва само с нея. Очевидно това е уловено от В. Телия, която излиза от рамките на определението и като вид емотивно, стилистично значение и говори за «информация», т. е. прави намек за нещо по-широко, по-обхватно, по всяка вероятност извън езика: «Под конотация обикновено се разбира семантична същност, узуално или оказиално влизаща (отнасяща се) до семантиката на езиковите единици и изразява емотивно-оценъчно и стилистично маркирано отношение на субекта на речта на действителността, което дава на основата на тази информация експресивен

ефект» [Телия 1986: 5]. Интересното в определението на Телия е, че тя наметва за две съществени страни на конотацията 1) Конотацията излиза извън пределите на езика като знакова система (свързана е с асоциации, представи, т. е. има психологически основи и идеологическа оценка) и 2) Конотацията е информация, т. е. систематизирани познания и оценки, които човек изразява и съхранява чрез езика.

Последните две съображения се свързват, макар и доста условно, с това, което семиотиката определя като конотация. Според Йелмслев «денотативните семиотики са такива семиотики, при които никое от равнищата на изразяване и на съдържание не е семиотика, т. е. не е знакова система. *Конотативните семиотики* имат като равнище на изразяване денотативна семиотика, т. е. друга знакова система» [Еко 1991: 110]. Следователно има принципна разлика между езиковото значение, независимо дали е конкретно или преносно, и конотацията, и тази разлика се състои в това, че езиковото значение номинира, назовава (има план на израза и план на съдържанието), а конотацията изразява (съдържа в себе си динамиката на връзката, на пресичането на два плана на изразяване). По този повод Барт пише: «Конотативният знак се характеризира с това, че неговото означаемо е ред в реторика, а двете заедно се завръщат в системата чрез метаезика» [Барт 1991: 22]. Казаното от Барт се пояснява от уточняването, че това, което Йелмслев нарича конотативна семиотика, Барт нарича *реторика*, защото има предвид реторичен вариант, синонимен избор, който говорещото лице прави съзнателно с цел за постигане на определен стилистичен оценъчно-емотивен ефект. С други думи конотацията е пресичане на *езиков знак* (дума, фразеологизъм, морфема) със *знак от друга* знакова система (езикова – същият или друг език, изкуство и т. н.) от позициите на единна, обща за езиковия колектив морално-нравствена система на идеологическа преоценка на човешкото поведение.

От такава дефенитивна позиция сферата на езиковата конотация се разширява и обхваща не само всичко в езика – знака, неговата актуализация, неговото значение и функция, но и практически цялата същност, поведение и дейност на човека снета, фотографирана в езика. В този смисъл конотацията в най-голяма степен изразява т. н. езикова картина на света, особено в нейното повърхностно семантично ниво, където семантичните универсуми придобиват национално-носемантични измерения като думи на определен език. Тази динамична творческа същност на конотацията е отбелязана от Апресян по

един лаконичен, но категоричен начин: «В конотацията се проявява важният творчески аспект на езика, негов потенциален източник за семантично и лексикално обновление» [Апресян 1995: 169].

В потвърждение на направеното обобщение са основните пътища и източници за формиране на конотации, които Апресян определя като универсални, антропологически присъщи на човешкия език, защото те са свързани със сетивното, емотивното и интелектуалното познание и самопознание на човека. По приложената от Апресян парадигма [Апресян 1995: 170–173] ще направим опит за систематизация на конотациите в българския език, с оглед на тяхното формиране (т. е. «семантичната им етимология»).

Във връзка с «етимологическата памет» е въпросът за мотивираността на конотацията, в смисъл дали тя е езиково мотивирана или е мотивирана от цялостната информация за предмета или явлението, което назовава. Тъй като този въпрос не е разглеждан специално, ще му отделим малко повече внимание.

В заключение, конотацията като динамична творческа стихия на езика в най-голяма степен изразява неговата национална специфика, неговата информативна подвижност във времето и пространството и несравнимата му способност да съединява в един миг, в един кадър, времето и пространството на един език като огледало на целия видим и невидим свят и като познание и самопознание. Същевременно именно в конотацията, в нейните прозрачни и полупрозрачни зони, можем да наблюдаваме езиковите механизми в динамиката, което би могло да отключи вечната тайна на човешкия език, едновременно единен и многонационален, и да разбули посланието на древния Вавилонски мит.

ЛИТЕРАТУРА

Апресян 1995: *Апресян Ю. Д.* Интегралное описание языка и системная лексикография // *Апресян Ю. Д.* Избранные труды. Т. II. М., 1996.

Барт 1991: *Барт Р.* Елементи на семиологията // Семиотика. Т. I. София, 1991.

Гак 1977: *Гак В. Г.* К типологии лингвистических номинаций // Языковая номинация. Т. I. М., 1977.

Еко 1991: *Еко У.* Въведение в семиологията // Семиотика. Т. I.

Мифы 1991: *Мифы народов мира.* Т. I–II. М., 1991.

Телия 1986: *Телия В. Н.* Коннотативный аспект семантики номинативных единиц. М., 1986.

Трубецкой 1938: *Трубецкой Н. С.* Цит. по: *Гумилев Л. Н.* Заметки

последнего евразийца // Ритмы Евразии. М., 1993.

Хумболт 1984: Гумбольдт В. фон. О различии строения человеческих языков и его влияния на духовное развитие человечества // Гумбольдт В. фон. Избранные труды по языкознанию. М., 1984.

КИНА ВАЧКОВА
(Шумен)

Иновации от композитен тип в съвременните славянски езици

Съвременната славистика единодушно отбелязва експанзията, достигаща до серийност, на иновации от композитен тип с еднакъв първи или втори компонент. Тук ще представим някои основни проблеми на образуванятията от първия вид (с повтарящ се първи компонент).

Достъпните ни източници показват, че в руски език с определена активност се характеризират словообразователните модели с компонентите: *авто-* (*автопилот*), *агро-* (*агрокомплекс*), *диско-* (*диско-клуб*), *еко-* (*еконарушение*), *нарко-* (*наркобизнес*), *радио-* (*радиолокация*), *стерео-* (*стереофильм*), *теле-* (*телеобъектив*) и пр.; в словашки език: *agro-* (*agroturistika*), *euro-* (*euromena*), *narko-* (*narkobarón*), *top-* (*topholding*), *video-* (*videokazeta*) и др.; в чешки език: *bio-* (*biostrava*), *eko-* (*ekonafta*), *euro-* (*eurooptimista*), *ex-* (*exkomunista*), *super-* (*supermodelka*), *video-* (*videoseznamka*) и др.; в полски език: *biznes-* (*biznes-woman/bizneswoman*), *porno-* (*pornobiznes/pornobiznes*), *pseudo-* (*pseudo-reformator/pseudoreformator*), *super-* (*super-kontroler/superkontroler*), *wideo-* (*wideo-film/wideofilm*) и т. д.; в сръбски език: *eko-* (*eko-časopis*), *evro-* (*evrovajska*), *porno-* (*porno-časopis*), *video-* (*video-bos*) и др.; в български език: *авто-* (*автоджамбазин*), *бизнес-* (*бизнесдама*), *видео-* (*видеостена*), *евро-* (*евродепутат*), *нарко-* (*наркобарон*), *соц-* (*соцпартия*), *спец-* (*спецченге*), *юго-* (*югогенерал*) и др. Без съмнение, това явление е продукт на екстралингвистични причини, специфични за славянските народи (особено след разпадането на социалистическия блок), така и на световни обществени тенденции (глобализация, увеличаване на информационните технологии и сфери, разширяване на икономическото,

политическото и културното сътрудничество между народите). Резултат е на езикови тенденции като интернационализация (англицизация/американизация), интелектуализация, терминологизация, детерминологизация, либерализация и пр.

Динамиката на явлениято се изразява както в количественото нарастване на образуванятия, така и в развиване на многозначност. Напр. в български език компонентът *евро-* функционира с няколко значения: *европейски* (*евросъюз* – Европейски съюз, ЕС), *отнасящ се до ЕС* (*евронаблюдател* – наблюдател от ЕС), *свързан с партията Евролевица* (*евродепутат* – депутат от Евролевицата), *свързан с паричната единица на ЕС* (*еврозона* – зона на действието на еврото).

По произход преобладават гръко-латинските компоненти, но ред образувания с тях (неокласицизми) са преминали през английски като език посредник (*арт-, поп-, фолк-*). Втора група са англицизми/американизми (*бизнес, джаз, екшън, шоу*). Трета група са от домашен (славянски) произход (*лъже-, ново-, старо-, юго-*).

В структурно отношение в повечето (синтетични) славянски езици разглежданите образувания в преобладаващия брой случаи са композити (заети или създадени на местна почва), в които първият компонент е префиксоид от радикасоиден тип. За структурния им анализ в аналитичния български език *ключово* е следното обстоятелство: могат ли първите компоненти да функционират в езика самостоятелно или в качеството на част от лексема. Така различаваме четири вида образувания, първите две от които са лексеми, а последните две – атрибутивни словосъчетания:

1. В първата група повтарящият се компонент е част, отломък от прилагателно: *авто-* = *автомобилен* (*автокрадци, авторали*), *юго-* = *югославски* (*юговойна, югокриза*). Частта, отломъкът носи значението на цялото прилагателно и има ясно изразена атрибутивна функция.

2. Втората група включва първи компонент, функциониращ само като свързан (несамостоятелен) в българския език, докато в езика източник е самостоятелна пълнозначна дума: *топ* (англ. *top* – *върх, върхов*) – *топманекин, топченге*.

3. Третата група обхваща свободни атрибутивни словосъчетания с първи компонент неизменяемо прилагателно, образувано чрез конверсия от самостоятелна и в българския език субстантивна морфема: *бизнес закуска, джаз концерт, гей общество, офис техника, секс маниак*.

4. Подобна е четвъртата група, при която обаче първият компо-

нент е абривиатура (често заета и дори изписвана в оригинал): АГ болница, US войник, PR агенция, VIP клиенти.

В други славянски езици (например в силно синтетичния чешки) синтагмите от третия и четвъртия тип се срещат по-рядко и обикновено са заемки, резултат от експанзията на английския език. Независимо от фреквенцията им те засилват (в различна степен) проявите на аналитизъм в съвременните славянски езици.

Г. К. ВЕНЕДИКТОВ
(Москва)

К истории дискуссий о некоторых важнейших терминах палеославистики

Своеобразную страницу в истории дискуссий последнего времени об этноязыковой принадлежности языка кирилло-мефодиевских переводов и древнейших памятников славянской письменности и о наименовании этого языка в славистической литературе представляет состоявшаяся 24–26 сентября 1985 г. в Софии встреча советских и болгарских ученых, на которой в рамках двустороннего сотрудничества в области истории и филологии были обсуждены эти и некоторые другие спорные вопросы. О встрече (в официальных документах она называется и рабочим совещанием), насколько мне известно, не было какой-либо информации в советской и болгарской славистической литературе. Она осталась в памяти ограниченного круга непосредственных участников ее подготовки и проведения.

Инициатива проведения встречи исходила от руководства Болгарской академии наук, предложившего в числе других обсудить на ней вопросы о содержании терминов «праславянский язык», «древнеславянский язык», «древнеболгарский язык», «церковнославянский язык». Это предложение было поддержано руководством АН СССР, которое возложило организацию участия советских ученых в намечавшейся встрече на Институт славяноведения и балканистики.

Во исполнение распоряжения Президиума АН СССР в качестве предварительного шага к подготовке к указанной встрече по поручению Дирекции Института Р. М. Цейтлин и автором этих строк была в мае–июне 1985 г. составлена справка «О содержании некоторых

терминов современной палеославистики и определении протографа Святославова Изборника 1073 г.» В справке был дан сжатый обзор существующих в научной литературе мнений относительно содержания указанных и некоторых других терминов. Он свидетельствовал о том, что соответствующие термины в содержательном плане не всегда четко разграничиваются или же употребляются как синонимы. Справка была разослана Институтом многим советским ученым – специалистам в области древней истории, языка и культуры славян – с просьбой ознакомиться с нею и изложить свое мнение о наиболее обоснованном понимании рассматриваемых терминов. Это было сделано с целью выработки объективной научной точки зрения, которая могла бы послужить основой при обсуждении названных вопросов с болгарскими учеными в намечавшейся встрече. От большинства ученых Институтом были получены замечания о справке с изложением их мнения относительно содержания перечисленных и других терминов.

Для непосредственного участия во встрече (рабочем совещании) в Софии была сформирована делегация советских ученых в составе 12 человек. Руководителем делегации был назначен директор Института славяноведения и балканистики АН СССР академик Д. Ф. Марков. В самом совещании приняли участие 10 членов делегации.

28 июня 1985 г. в Институте славяноведения и балканистики АН СССР состоялось заседание членов делегации, на котором были обобщены мнения, изложенные в полученных Институтом отзывах ученых о справке, и состоялся обмен мнениями о позиции советской делегации по вынесенным на предстоящую в Софии встречу вопросам.

Болгарская делегация, принявшая участие во встрече, была более внушительной как по числу участников (21), так и по своему составу. Возглавлял делегацию вице-президент Болгарской академии наук академик П. Зарев.

Всего в ходе встречи состоялось 6 заседаний, где было заслушано 73 выступления. Обсуждение поднятых на ней вопросов проходило в деловой обстановке, которая иногда, впрочем, принимала и напряженный характер. Одним из наиболее острых вопросов, обсуждавшихся здесь, был вопрос о соотношении древнеболгарского литературного языка и языка старославянского. На заключительном заседании был принят «Итоговый доклад». В нем констатировалось сближение взглядов советских и болгарских ученых по одним из обсуждавшихся вопросов и сохранение разногласий по другим вопросам.

Канон первоучителя Кирилла 861 г. как исторический источник*

1. Авторы агиографических источников, в которых повествуется о прибытии Кирилла и Мефодия в Рим, не скрывали удивления, когда выяснилось, что первоучители несут с собой мощи св. Климента I, папы Римского, из числа «мужей апостольских». Момент неожиданности отчетливо выражен как в пространным Житии Кирилла, так и в так наз. Итальянской легенде: *Adrianus [...], audiens, quod prenomiatus Philosophus corpus beati Clementis [...] secum deferret, valde nimis exhilaratus est, et extra Urbem cum clero et populo procedens illis obviam, honorifice satis eos recepit.* Как и почему могло получиться, что первоучители, обретя мощи Климента, не оставили их на месте, а вывезли из Корсуни и затем взяли с собой на Запад, чтобы в конце концов доставить в Ветхий Рим? На наш взгляд, ответ можно получить, если обратиться к Кириллову богослужебному последованию на 30 января (когда в Корсуни были обретены мощи св. Климента), сохранившемся в одной-единственной рукописи.

2. В Каноне названного последования некоторые тропари (около десятка) имеют не нарративный, а аллюзивно-прообразовательный характер. Таков, например, 1-й тропарь IV песни:

- (1) заповѣда иаковъ оумираа снмъ
- (2) [погрети и] въ хевронѣ въ|вьрътпѣ
- (3) телесе хѣва прѣдъложениа образъ
- (4) ть|рѣжьство нѣинѣ творимоуоумоу прѣобразоуа :|

Поскольку Кирилл шел в принявшую иудаизм Хазарию, время вынужденной зимней остановки, проведенное в Корсуни, он посвятил изучению Танаха, чтобы подготовиться к диспутам с иудео-хазарскими мудрецами. Его увлеченность ивритом и Танахом (о которой нами подробно говорится в другом месте¹), вероятно, привела к тому, что почти все аллюзии взяты из Ветхого Завета.

* Исследование выполнено в рамках проекта «Текстология и язык древнейших славяно-русских переводных источников. На материале гимнографии», поддержанного РГНФ (грант № 02-04-00356а).

¹ Церковнославянская книжность на Русн. М., 2001, с. 174–192.

3. Если исследовать ветхозаветные тексты, к которым восходят аллюзии, то оказывается, что глагол Танаха לָבַד ('восходить, поднимать(ся) вверх, идти/нести вверх, возносить') и соответствующие ему два глагола Септуагинты ($\text{\acute{\alpha}\nu\alpha\beta\alpha\iota\acute{\iota}\nu\omega}$ и $\text{\acute{\alpha}\nu\alpha\phi\acute{\epsilon}\rho\omega}$) означают совсем не обречение святыни, а перемещение ее в пространстве, перенесение с места изгнания на «родину», на почетное место окончательного упокоения. Все три глагола имеют религиозную семантику и содержат императивную подсказку языка: останки человека святой жизни, умершего в неподобающем месте, должны быть возвращены «домой», а тем, которые осуществляют возвращение, соответствующий поступок засчитывается в праведность.

4. По нашей догадке, в Каноне Кирилла 861 г. выражена не только *радость* по поводу находки мощей папы Климента, но и *программа дальнейшего поведения*: подобно костям Иакова, Иосифа (и Саула), подобно ковчегу Завета, мощи Климента надлежало «вознести», т. е. перенести с места, куда папа был изгнан, на место его архипастырского служения, на духовную родину, т. е. в Ветхий Рим. Прообразовательность, как всегда бывает, актуализируется и определяет благочестивое поведение в будущем.

5. Рече-поведенческие тактики радости от обретения мощей выражены открыто и имеют прямой перлокутивный эффект. Напротив, рече-поведенческие тактики обоснования необходимости переноса мощей выражены аллюзивно, прикровенно; они открываются не сразу (причем уверенность в их понимании на практике дана лишь ретроспективно). Вероятно, в изощренном замысле составителя Канона не было намерения омрачать радость насельников Корсуни, которым, конечно, было бы горько расставаться с только что обретенными мощами.

6. Парадигма обязательного возвращения останков на должное место распространялась даже и на лиц, (пока) не прославленных в лике святых. Действительно, когда Кирилл скончался в Риме, то Мефодий принял меры, чтобы вернуть его тело в родной монастырь. В сообщении Итальянской легенды (гл. 11) приведена соответствующая речь Мефодия к папе: ... quando ex domo nostra ad servitium [...] sumus egressi, mater cum multis lacrimis nos obtestata est, ut, si aliquem ex nobis, antequam reverteremur, obiisse contingeret, defunctum fratrem frater vivens ad monasterium suum reduceret... Папа посчитал просьбу Мефодия естественной. Были осуществлены приготовления к отправке тела.

7. Таким образом, текстологический анализ Канона 861 г. по рече-поведенческой методике (с присовокуплением косвенных, построенных на аналогии, аргументов) показывает, что у первоучителей с самого начала имелся замысел перенести обретенные мощи папы Климента из Корсуни в Рим. Вполне вероятно, что, опасаясь насилия, первоучители все долгие годы до прихода в Рим носили с собой мощи прикровенно, а открыли их уже в непосредственной близости от цели своих усилий, когда отпали все возможные угрозы. Ковчег (или ковчежец) с мощами мог быть небольшим. Гимнография, вопреки расхожему мнению, в определенных случаях способна быть историческим источником и способствовать решению недоуменных вопросов. Славянские гимнографические тексты переведены с греческого, однако если в них имеются ветхозаветные аллюзии, то нельзя упускать из вида, что о семантике исходного (т. е. греческого) текста следует судить с привлечением текстов Св. Писания на библейском иврите. Данное замечание относится и к тем греческим гимнографам, которые иврита не знали, ибо Greek words, по причине генезиса христианской культуры, могут иметь Hebrew meanings. К славянской лексике подобное наблюдение едва ли относится, так что в переводах на славянский бывают смысловые утраты. В таком случае славянский текст приходится читать в свете масоретского, тем более что Септуагинта семантически согласована с Танахом.

ПЕТЯ ГЪЛБОВА
(София)

**За един вид транспозиция
на съществителните имена в българския език
(значението на съчетанието в знак на)**

Докладът е посветен на проблема за устойчивите предложни съчетания в български език от типа на *без оглед на, във връзка с, в знак на, въз основа на, заедно с, наравно с, успоредно с*. Проблемът е многоаспектен, поради което продължава да бъде актуален, както в теоретичен план, така и в прагматичен, главно с оглед на лексикографското им представяне.

В изложении устойчивые предложны съчетания са разгледани като структура, семантика и синтактични позиции.

Направен е опит да се потърсят възможни замени при изразяването на компаративни (сравнителни – на подобие или тъждество), каузални (причинни) и сепаративни (отделителни); изразявани от устойчивите предложни съчетания *в знак на* други предлози и синтактични средства.

Анализът доказва, че езикът разполага с различни средства за изразяване на едни и същи или близки отношения в зависимост от контекста.

Е. И. ДЕМИНА
(Москва)

Роль древнеболгарской литературно-языковой традиции в формировании книжного болгарского языка XVII века на народной основе

Как известно, основанный на языке кирилло-мефодиевских переводов древнеболгарский литературный язык, подвергавшийся на протяжении своего многовекового функционирования в Болгарии влиянию различных орфографических школ и центров письменности, обогащенный на базе живых народных говоров и собственного словотворчества, стилистически развитой, претерпевшей на протяжении среднеболгарского периода ряд грамматических изменений, в то же время вплоть до XVII в. сохранял свой исходный облик языка синтетического грамматического строя – в отличие от живого народного языка с широко развитыми в нем к этому времени чертами аналитизма. Создание в XVII в. в письменности новоболгарских дамаскинов книжного языка на народной основе явилось особенно заметным, качественным скачком в истории литературного языка в Болгарии. В новом книжном идиоме впервые был осуществлен сознательный синтез выразительных возможностей, представляемых народным болгарским языком, обладавшим в XVII в. продвинутым аналитическим грамматическим строем, проникнутым балканизмами (отсутствие инфинитива, особые аналитические формы

будущего времени, утрата падежного склонения, наличие членных форм, развитие глагольной категории опосредствованности оценки говорящим отношения действия к действительности и др.), с обновленным словарем и богатого наследия традиционного литературного языка синтетического грамматического строя с его архаичной лексикой. Если учесть обоснованную нами на XII съезде славистов в Кракове необходимость разграничения двух социолингвистических феноменов, а именно внутренней динамики нормы, т. е. процесса изменений в рамках конкретного литературно-языкового идиома как реальной коммуникативной единицы, и внешней надлитературно-идиомной динамики нормы, когда речь идет о динамике нормативных установлений в процессе взаимодействия разных литературно-языковых идиомов, необходимо признать, что нас в данном случае интересует внешняя динамика нормы, имевшая место в процессе создания нового книжно-литературного идиома – книжного болгарского языка XVII в. на народной основе.

Нам уже приходилось писать о том исходном, общем решении, на котором базировались неизвестные нам книжники XVII столетия – создатели нового исторического типа литературного языка в Болгарии. А именно, сама структура книжного болгарского языка XVII в. задана в целом общим решением: на уровне системы письма следовать традиционным книжным нормам, на уровне грамматики и словаря – узусу живой народной речи. Однако в процессе конкретной работы возникали некоторые отклонения от этого общего решения, что во многом связано с самим механизмом создания новоболгарского текста. За его основу был взят текст на традиционном болгарском литературном языке болгаро-сербской безъюсовой правописной редакции, восходящей в ряде своих особенностей – через кодификацию Константина Костенечского – к школе Евфимия Тырновского. Процесс переложения этого источника может быть сведен к модели: порождение письменных высказываний при ориентации одновременно на систему выразительных средств, норму и узус традиционного литературного и народного языков (в качестве последнего выступало народно-разговорное койне населения городов и близлежащих монастырей в ареале Луковит – Тетевен – Етрополе в составе бывшей Ловечской епархии), накопление в процессе отбора однотипных решений → принятие данных письменных высказываний за образец и закрепление их особенностей на уровне письменного языка как

системы → порождение новых письменных высказываний при ориентации на уже принятые особенности реализации письменного языка как системы (=создание новой нормы).

Влияние традиции при этом не затронуло главного: грамматический строй и основной словарный состав являются народными.

В данном докладе мы попытаемся проследить, какие именно черты традиции проникли в норму вновь возникшего книжного идиома, имея в виду прежде всего а) *уровень системы письма*: набор букв и их графических вариантов, избыточный для фонологической системы живого языка XVII в.; надстрочные, строчные знаки и лигатуры; принцип двухъярусного расположения необходимой для правильного понимания текста информации; разбиение текста на слова по ритмико-интонационному принципу; система сокращенного написания слов и под.; б) *уровень морфологии*: словоформы аориста 3 л. мн.ч. с окончанием *-ше* вм. *-ха*; употребление утраченных в народном языке падежных форм в составе устойчивых словосочетаний типа *Въ вѣкы вѣко**; в) *уровень синтаксиса*: выбор присущего традиционной норме варианта *свой* при выражении посессивных отношений «притяжатель объекта обладания тождествен действующему лицу – субъекту высказывания» (*той закла една от своите овци*, ср. *той закла една от неговите овци*); выбор возвратной конструкции *себе си*, сосуществующей в народных говорах ареала с конструкциями типа *мене си*, *тебе си*, *него си*, *вас си*; инверсный порядок слов в атрибутивной синтагме: *царѣ многолѣтний*; г) *уровень словообразования*: форманты *-итель*, *-ителен*, *-ателен*, *-нѣ* в народных словах типа *криводуманѣ*, *файдаземанѣ* вм. *-не*; д) *уровень словарного состава*: использование книжных слов для обозначения реалий, отсутствующих в народном языке; е) *уровень стилистической нормы*: использование непересказывательных форм в качестве основных времен нарратива как и в традиционном литературном языке. Народное влияние в данном случае проявляется в том, что в повествовании о событиях, отклоняющихся от основной линии, могут употребляться формы пересказывания; тем самым создается новая норма, не присущая в таком виде ни традиционному языку, ни народной речи.

Сознательный синтез народных и традиционно-книжных выразительных средств, осуществленный книжниками XVII в., не только обеспечивал определенный континуитет в развитии болгарского

литературного языка как историко-культурного феномена, как «целого», но и впервые наметил тот путь, по которому в эпоху национального Возрождения шло становление норм современного болгарского литературного языка.

ЦЕНКА ДОСЕВА
(София)

К изучению лексики древнерусских списков Миней за сентябрь–декабрь

Прошло более ста лет со времени издания Новгородских служебных Миней 1095–1097 гг. И. В. Ягичем ([Ягич 1886], далее ЯМ). В последние годы почти полностью была опубликована Минея за декабрь XII в. (ГИМ, Син 162) с разночтениями (далее обобщенно Мин XII) [Rothe, Vereščagin 1996, 1997, 1999] и Глоссарий к ней [Glossar 2001]. Эти издания стимулируют более широкое использование Миней в исторической лексикологии и лексикографии. В древних текстах продуктивно изучение морфемных лексико-семантических групп [Цейтлин 1994]. Так, например, Минеи отличаются обилием суффиксальных имен существительных (в ЯМ их число свыше 1300), при этом почти половина не встречается в Старославянском словаре 1994 г. [СС 1994].

Важное место занимают суффиксальные существительные со значением лиц. Общее количество этих имен в ЯМ (их объем 477 лл.) составляет около 390 лексем. В Мин XII (303 лл.) – 246. В ЯМ и в Мин XII наиболее многочисленны слова на -ьникъ. Производит впечатление большое число имен ж. рода. Двукорневые образования, осложненные суффиксами, составляют треть всех суффиксальных имен со значением лица в ЯМ (такое же соотношение и в Мин XII). В ЯМ в два раза больше суффиксальных существительных с префиксом съ- по сравнению с классическими древнеболгарскими памятниками (далее КДП). Например, в ЯМ среди гапаксов на -ьникъ, отсутствующих в КДП, это съврьстьникъ, съзастъпникъ, съликъствьникъ, съмолитвьникъ, съпричтьникъ, съслъжьвьникъ, състрастьникъ, сътанвьникъ, съходьникъ, съхрамьникъ (в ЯМ ошибочно съхраньникъ), съшьствьникъ.

Часть лексики ЯМ не зафиксирована в КДП. Среди имен со значением лица с суффиксом *-(и)тель* их 67, *-(ьн)ица*, *-(ов)ица* – 40, *-(ьн)икъ* – 38, *-ьць* – 38, с другими суффиксами – 7; среди них 161 – гапаксы. В Мин XII таких гапаксов – 111, из них 81 не известны КДП, в том числе 19 – общие для ЯМ и Мин XII. Это: *вѣньцедавьць*, *вѣньценосица*, *дѣшегѣвьць*, *законоположьникъ*, *любезномѣченикъ*, *невѣстититель*, *обрѣчитель*, *объщъница*, *прѣмѣдръникъ*, *прѣвородитель*, *прѣдѣложитель*, *разоритель*, *садитель*, *самодѣтель*, *свѣтоносць*, *сѣношавленикъ*, *сѣдръжатель*, *сѣстрастьникъ*, *ѡезвнтѣвнинъ*.

Некоторые гапаксы – ошибки в ЯМ. Например: *бѣтѣтникъ* в м. *бѣприпѣтникъ*; *вѣькоагньць* в м. *вѣька* *ѡако* *агньць*; *постѣтникъ* в м. *повѣстѣтникъ*; *сѣнозижитель* в м. *зижитель*; *седмородитель* в м. *родитель*; *необоритель* в м. *необоримъ*; *поухваленица* в м. *ѡако* *поухвала* и т. д. Эти ошибки нужно уточнить, чтобы они не попадали в исторические словари (например, выделение слова *вѣькоагньць* в м. *вѣька* *ѡако* *агньць* у [Worth 1971]).

В Минеях представлены уникальные лексико-семантические группы слов. Так, например, в ЯМ имеется группа мотивированных слов, относящихся к венчанию: *обрѣчитель*, *обрѣчъникъ*; *ложъница*; *невѣстититель*, *чрътожьникъ*; *сѣвьрьстѣникъ*, *сѣжитель*; *сѣвьрьстѣница*, *сѣжительница* (в Мин XII *обрѣчитель*, *обрѣчъникъ*, *невѣстититель*). Или *зѣьлокѣзньникъ*, *прѣмѣдръникъ*, *дѣшегѣвьць*, *зѣьльць*, *миродръжьць*, *ратоворьць*, которые в ЯМ употребляются как названия дьявола. Все они не отмечены в КДП.

По-видимому, одним из ранних свидетельств наличия слова *ложъница* ‘невеста’ (2 примера) со значением лица – ЯМ. Общие для ЯМ и Мин XII композиты *вьседѣтель*, *вѣньценоносць*, *свѣтодавць*, *бѣродительница* представлены в канонах Кл. Охридского [Станчев, Попов 1988].

На основе материала древнерусских списков Миней, учитывая комплекс критериев, можно было бы отыскать лексику, которая восходит к древнейшим песнопениям (оригинальным и переводным) на древнеболгарский язык.

ЛИТЕРАТУРА

СС 1994: Старославянский словарь (по рукописям X–XI веков) / Под ред. Р. М. Цейтлин, Р. Вечерки, Э. Благовой. М., 1994.

Станчев, Попов 1988: *Станчев К., Попов Г.* Климент Охридски. Живот и творчество. София, 1988.

Цейтлин 1994: *Цейтлин Р. М.* О лексических микросистемах (по материалам древнеславянских рукописей X/XI–XIV/XVI вв.) // *Slavia*, гоѣ. 63. Praha, 1994.

Ягич 1886: *Ягич И. В.* Службные минеи за сентябрь, октябрь и ноябрь в церковно-славянском переводе по русским спискам 1095–1097 гг. // Памятники древнерусского языка. Т. I. СПб., 1886.

Glossar 2001: *Wörterbuch zum Gottesdienstmenäum für den Monat Dezember slavisch-griechisch-deutsch nach ostslavischen Handschriften des 12. und 13. Jahrhunderts mit einem Glossar griechisch-slavisch bearbeitet von D. Christians.* Wiesbaden, 2001.

Rothe, Vereščagin 1996, 1997, 1999: *Rothe H., Vereščagin E.* Gottesdienstmenäum für den Monat Dezember nach dem slavischen Handschriften der Rus' des 12. und 13. Jahrhunderts. Teil. 1. 1. bis 8. Dezember. Teil. 2. 9. bis 19. Teil. 3. 20. bis 24. Opladen, Wiesbaden, 1996, 1997, 1999.

Worth 1971: *Worth G.* The neglected Lexicon of the Novgorod Služebnye Minei // *Universitas libera ucraïnensis. Facultas Philosophica. Studia*, t. 7. München, 1971.

В. С. ЕФИМОВА
(Москва)

К вопросу о продуктивности старославянских морфем

Изучение старославянской лексики с продуктивными аффиксами было одним из основных направлений исследований Р. М. Цейтлин. В ее известной книге «Лексика старославянского языка» рассматриваются существительные со значением лица с продуктивными суффиксами *-ьникъ*, *-тель*, *-ьць*, *-аръ* и др. и существительные отвлеченных значений с продуктивными суффиксами *-ство*, *-ость*, *-ота* и др. [Цейтлин 1977: 68–185]. И хотя Р. М. Цейтлин отдавала должное господствовавшему в то время словообразовательным теориям с центральными понятиями словообразовательного типа или словообразовательной модели, все же ее понимание словообразовательного механизма в старославянском языке шло от аффиксов, которые, как она говорила, «образовывали в СЯ продуктивный тип слова, иначе – открытый, в котором легко образовывались

отсутствующие в языке новые слова» (см., например, [Цейтлин 1977: 95–96]).

Работа старославянской словообразовательной системы не может быть понята и адекватно описана без осознания языковой ситуации на западных и южных славянских землях в IX–X вв. и особенностей социальной базы старославянского языка. Для старославянского языка характерны черты, присущие вообще средневековым литературным языкам, – особые сферы применения, особенности функционирования литературно-языковой нормы и др. В отношении социальной базы языка то же, видимо, можно сказать и об элитарности круга древних книжников. Однако существенной отличительной особенностью в социолингвистическом аспекте функционирования старославянского языка была направленность деятельности этого элитарного круга книжников на доступность восприятия, максимальную понятность языка для той «другой стороны» социальной базы, которую нам уже приходилось называть «пассивными потребителями» [Ефимова 1994: 25]¹. В эпоху старославянского языка (IX–X вв.) древние книжники были не только его «носителями», но и создателями (укажем, прежде всего, на работы Е. М. Верещагина [Верещагин 1997; Верещагин 2001] и др.), использовавшими для создания фонда лексики книжного характера не в последнюю очередь и славянские словообразовательные механизмы. В данных обстоятельствах ономастические потребности старославянского языка, создававшегося в процессе перевода сложных и довольно разнообразных по содержанию греческих текстов, обусловили высочайшую продуктивность исконнославянских аффиксальных морфем.

В настоящем докладе нам хотелось бы обратить внимание на такую функцию старославянских аффиксов, доказывающую их высокую продуктивность, как образование с их помощью новых

¹ Более «мягким» кажется термин «пассивный пользователь», введенный Г. П. Нещименко при анализе языковой ситуации в современных славянских странах [Нещименко 1998: 463]. Однако этот термин применен хотя и к близкому понятию, но все же отличному от того, что имеется в виду нами: «пассивный пользователь» у Г. П. Нещименко не только воспринимает, но и генерирует текст, пусть и с ошибками [Там же]. В условиях функционирования старославянского языка генерирование текста было прерогативой книжников, но целью их была максимальная понятность языка для основной части его социальной базы, «пассивных потребителей», которые только воспринимали текст (как «на слух», так и при чтении), но, как правило, не генерировали его. Поэтому мы оставляем наше прежнее название как более точно отражающее суть проблемы.

славянских лексем от основ греческого происхождения². Так, например, на высокую продуктивность суффикса *-ьс-* (*-ьць*) при образовании новых старославянских наименований не-лица указывает такой неологизм, как *корьць*, переводящий греч. *κόρος* 'кор, мера зерна' и употребленный в чтении Л 16,7 в Мариинском евангелии в написании *корецъ*. Примечательно при этом, что в Зографском евангелии использован бессуффиксальный грецизм *коръ*.

Количество греческих основ, использованных для создания новых старославянских слов при помощи аффиксов, известных как продуктивные, вызывает удивление. Так, например, среди 240 старославянских лексем с суффиксом *-ьск-* (219 прилагательных и 21 наречие, где суффикс *-ьск-* выступает в сочетании с суффиксом *-у*), зафиксированных в словнике «Старославянского словаря», одним из авторов и редакторов которого была Р. М. Цейтлин [СС 1994], в 143 случаях морф *-ьск-* сочетается с основами греческого происхождения. Следует отметить также возможность вариативности таких основ (при одинаковом значении лексем и переводе ими одного и того же слова греческих оригиналов), свидетельствующей в данном случае о том, что эти лексем были еще как бы «неустойчивыми», создавались древними книжниками буквально «по потребности» в процессе перевода или переписывания с протографа: *евангѣльскъ* (*evangel-ьsk-ъ*) – *евангѣлинскъ* (*evangelij-ьsk-ъ*), *гѣръгесинскъ* (*gêrgêsin-ьsk-ъ*) – *гѣръгесиньскъ* (*gêrgêsin-ьsk-ъ*), *икренскъ* (*ijerej-ьsk-ъ*) – *икрѣнскъ* (*ijerěj-ьsk-ъ*) и мн. др. Всего по словнику «Старославянского словаря» мы насчитываем 21 случай вариативности основ греческого происхождения при сочетании с морфом *-ьск-*, т. е. почти для трети лексем с суффиксом *-ьск-* (для системы старославянского языка считаем это явление вариативностью, хотя в ряде случаев объяснено происхождение вариантов может быть разным фонетическим обликом исходных греческих слов).

Удивительно большое количество греческих основ было вовлечено также и в образование новых старославянских прилагательных по «древнему типу слова», т. е. по модели, восходящей к индоевропейскому типу с суффиксом **-уо-* (см. [Meillet 1905: 375 и сл.]), и в какой-то мере конкурирующих с прилагательными на *-ьскъ*.

² В докладе предполагается использовать материал исследования, проведенного при финансовой поддержке РГНФ, грант № 97-04-06160.

В эпоху старославянского языка этот древний тип слова в качестве словообразовательного форманта использовал «йтовое» морфонологическое чередование согласных в исходе производящей основы и сохранил свою продуктивность, главным образом, в сфере образования притяжательных прилагательных, что было отмечено еще А. Вайаном [Vaillant 1974: 430]. Это такие лексемы, обозначающие новые для славян понятия, как епискоупль (episkupl'-ь, τοῦ ἐπισκόπου) 'епископский' при пискоупль (piskupl'-ь, ἐπισκόπος) 'епископский', игоумень (igumen'-ь, от igumen-ъ – ἡγούμενος) 'игумена (род.)' и др., прилагательные, образованные от географических названий, типа еръмоуль (er'mu'-ь, τοῦ Ἐρμών), и, особенно, от личных имен собственных, типа аласурь (alasu'-ь, τοῦ Ἀσσούρ), ароль (arol'-ь, τοῦ Ἀρόν) и мн. др. Всего в данном типе слов мы насчитываем по словнику «Старославянского словаря» 34 лексемы с основами греческого происхождения из 63.

ЛИТЕРАТУРА

Верещагин 1997: *Верещагин Е. М.* История возникновения древнего общеславянского литературного языка. М., 1997.

Верещагин 2001: *Верещагин Е. М.* Церковнославянская книжность на Руси. Лингвотекстологические разыскания. М., 2001.

Ефимова 1994: *Ефимова В. С.* О некоторых тенденциях развития литературного языка в произведениях Иоанна Экзарха Болгарского // Традиция и новые тенденции в развитии славянских литературных языков: проблема динамики нормы. Тезисы докладов международной научной конференции. Москва, 24–26 мая 1994 г. М., 1994.

Нещименко 1998: *Нещименко Г. П.* Значимость оппозиции «носитель – пользователь» языка (языкового идиома) для изучения специфики языковой ситуации и ее динамики // Славянское языкознание. XII Международный съезд славистов. Краков, 1998 г. Доклады российской делегации. М., 1998.

СС 1994: Старославянский словарь (по рукописям X–XI вв.) / Под ред. Р. М. Цейтлин, Р. Вечерки и Э. Благовой. М., 1994.

Цейтлин 1977: *Цейтлин Р. М.* Лексика старославянского языка. Опыт анализа мотивированных слов по данным древнеболгарских рукописей X–XI вв. М., 1977.

Meillet 1905: *Meillet A.* Etudes sur l'etymologie et le vocabulaire du vieux slave. P. II. Paris, 1905.

Vaillant 1974: *Vaillant A.* Grammaire comparée des langues slaves. T. IV. La formation des noms. Paris, 1974.

Дрехите на българина през Възраждането

В доклада се представя фрагмент от разбирането за дрехата през Възраждането. Коментира се какво вижда възрожденският човек, съдейки по дрехата на (не)познат човек. Като изходен пункт се приема защитната функция на дрехата, наред с разбирането ѝ като специфична гранична зона, поради разположението ѝ в пространството, а именно факта, че тя е съседна, от една страна, на тялото и, от друга страна, е съседна на света около тялото. Въз основа на широка база от исторически, етнокултурни и лингвистични факти се реконструира представата на възрожденския българин за дрехата с оглед на динамизма и развойните процеси, които го въвеждат в модерното време на ХХ в. Обръща се по-специално внимание на «разчитането» на връхната и горната дреха.

ДИАНА ИВАНОВА
(Пловдив–Познань)

Търговищкото печатно тетраевангелие (1512 г.) и Острожката Библия (1581 г.).

Опит за текстологична и лексикална съпоставка

В научната литература неведнъж е изтъквана необходимостта от задълбочено проучване на българските печатни книги от XVI в. на археографско, текстологично и езиково равнище в диахронен план – назад към старите славянски ръкописни паметници и напред – към църковнославянските печатни книги [Иванова-Мирчева 1990]. В това отношение Търговищкото печатно тетраевангелие 1512 г. (Търг), споделящо нормите на Търновската книжовна школа, заслужава специално проучване. При сравнение с предходната ръкописна евангелска книжнина [евангелия от X до XIV в.: Мариинско (Мар), Асеманиево, Зографско, Савино, Остромирово, Боянско, Добромирово, Добрейшово, Добрилово, Мстиславово, Юриево, Банишко, Лондонско, Вълканово, Тертерово, Търновско, Атинско, Рилско,

Николско, старосръбски евангелия от 1354 г. и 1342 г., Чудовски Нов завет и др.] се доказва, че Търг запазва източноправославната текстологична и книжовноезикова традиция, идваща от определен кръг паметници от XIII–XIV в., преминали през атонска редакция [Иванова 1996; Иванова 1999]. От друга страна е интересно да се проследи връзката на тази книга с по-нататъшната църковнославянска евангелска традиция, положена в първото печатно издание на пълния състав на Библията – Острожката библия (Острж).

Във връзка с предстоящата съпоставка между двата паметника е важно да се отчетат някои факти, свързани с текстологичната история на Острж и на използваната при нейния превод Геннадиевска библия (ГБ). Още с първото сериозно филологическо изследване върху историята на текста на ГБ руските учени А. В. Горский и К. И. Невоструев правят важното заключение, че през XIV–XV вв. у южните славяни е било извършено ново сверяване и изправяне на новозаветния текст по актуални за този период гръцки източници, в резултат на което се е разпространил и утвърдил един унифициран текст, стабилен и авторитетен, в *Slavia Orthodoxa*. Именно преписи от тази редакция се разпространяват и в Русия, като по-късно влизат в основата на печатните издания на Библията [Горский 1855; Alekseev 1999: 204].

Няма конкретни данни за използване на излезли дотогава южнославянски печатни евангелски текстове при превеждането на Острж. Но дори Търг да не е пряк източник, индиректно, чрез общата атонска основа на своите протографи, използвали еднакви гръцки източници, двата паметника се намират в най-тясна връзка. Оказва се даже, че близостта между Търг и Острж е много по-голяма, отколкото на Търг с който и да е от ръкописните източници. При наличие на лексикална синонимия, отбелязана в Ев. от Матей (общо 141 редици, като на всяка от тях съответства един и същ гръцки еквивалент), само в 16 случая Острж има различие с Търг, докато съвпаденията са 125 [Иванова 1996] (напр. акрѣды, алекторь, благаа, видѣніа, власть, шблать, вона, възрасть, вълагалища, вуссвнѣ, достоаніе, домоу владѣка, домоустроитель, епендіть, житница, источникъ, ковчежець, коупецъ, лаатель, порфира и др.).

Особено внимание заслужават нововъведенията, които отличават Търг от всички останали паметници. Възможността тези новости да кореспондират със следващата я по хронология Острж и да се

повтарят в нея, изключват хипотезата за случайни и индивидуални промени. Точно обратно – тяхното потвърждение доказва, че те са въведени целенасочено и системно и са резултат от единна и цялостна редакция.

Отбелязани са редица разночетения, които отличават Търг от предходната ръкописна евангелска книжинна, а се проектират в Острж¹.

Й 8,59: и изыде изъ цркви – καὶ ἐξῆλθεν ἐκ τοῦ ἱεροῦ; Л 11,13: колми паче Ѡць – πόσω μᾶλλον ὁ Πατήρ (в рък. паметници Ѡць ваш); Л 20,35: и възкресение Ѡ мрътвых – καὶ τῆς ἀναστάσεως τῆς ἐκ νεκρῶν (в рък. пам. + ежѣ); Й 19,7: тако себѣ сѣа ежѣа сътвори – ὅτι Υἱὸν Θεοῦ ἑαυτὸν ἐποίησεν (в рък. пам. самъ); Л 20,20: Да имжть его въ словеси въ еже прѣдати его – ἵνα ἐπιλάβωνται αὐτοῦ λόγου, εἰς τὸ παραδοῦναι αὐτόν. Подобни примери са отбелязани и в Й 14,29–30; Й 3,30; Л 11,13; Л 11,37; Л 13,4; Л 20,36; Л 24,10 и др.

При превода (наред с другите особености могат да се отбележат едни и същи похвати в двата паметника: предпочитат се напр. глаголни конструкции вместо именни. Й 6,63: ἡ σὰρξ οὐκ ὠφελεῖ οὐδέν – плътъ не ползоуетъ ничтоже (в рък. пам. несть ползж никоа же); Й 8,46: οὐ πιστεύετε μοι – не вѣрвѣте мнѣ (в рък. пам. не емлете вѣрвы); Л 11,5: χρῆσόν μοι τρεῖς ἄρτους – заимствѣи ми три хлѣбъ (даждь ми въ заимъ); Л 18,3: Ἐκδίκησόν με – Ѡмъсти мене (сътвори ми Ѡмъщение). Гр. дума βλασφημεῖς Й 10,36 в старите паметници се превежда: власфимисаеши, хѣлиши, съгрѣшаеши, докато в Търг и Острж е хѣлж глѣшн.

В Търг и Острж са отбелязани редица лексикални паралели, различни от съответните места в ръкописните паметници: Л 12,58: καὶ μετὰ βραχὺ ἕτερος – и помалѣ (и не по мнозѣ, и не на длъзѣ – рък. пам.); Л 16,6: τὰ γράμματα – писание (вожквты, книгты, питактъ, грамота); Л 20,1: ἱερεῖς – свѣщенници (іерен, архіерен); Л 14,32: ἡ ἡρεμία – съмирение (миръ); Л 23,33; Й 19,17: Κρανίου τόπος – лъвное мѣсто (краніево мѣсто); Й 5,28: ὥρα – часъ (година); Мк 1,34: νόσος – неджгы (мзл). Тук могат да се добавят и съпадащите словообразователни варианти, различни от ръкописните паметници – Л 14,32: моление (срещу молитва, молба); Л 18,15: запрѣтишж имъ (прѣцаахж имъ); Й 6,63: оживлѣеть (живеть, животвори).

¹ Поради ограниченията в обема, приведените примери илюстрират само малка част от екскерпирания материал.

Наред с единната обща основа на двете печатни книги, наблюдават се и редица промени в Острж, които отразяват развитието на евангелския текст в руска езикова среда и чертите на църковнославянската редакция. Промените в църковнославянските издания засягат следните страни на евангелския превод: текстологични: добавка или липса на текст в сравнение с гръцките източници [най-често това е добавка (или отсъствие) на съюза и, на усиливащата частица **же**, сакралното име *Исус*, разширяване чрез уточняващи наречия, различни видове местоимения и съществителни, както и с цели изрази] – Мт 14,2: *и сега ради*; Мт 2,16: *еже известно испъта ѿ влѣхъвъѣ*; Мт 24,49: *начнетъ бити клеветѣтъ свои*; Мт 4,24; 9,2: *раслабленныа жнами*; (гр. *παράλυτικός* се превежда в разширен вариант в Острж още и в Мк 2,3; 2,4, а в Мк 2,9; 2,10; Л 5,18 липсва такова разширение; от старите паметници подобно решение намираме в Мар – Мт 9,2; Мк 2,3); Мт 8,4: *И... повелѣ въ законѣ Моусеи*; Мт 8,18: *повелѣ ити Ѹченикомъ на онь поль*; Мт 9,7: *и воставъ вземъ одръ свои иде въ домъ свои*. Другите различия са резултат от придържането към различни гръцки изходни текстове (срвн. Мт 5,27: *Слышаште яко речено бѣсть прѣвъ^м не прѣлювѣ сътвориши (прѣвъ^м липсва в Търж съгласно други гр. източници)*; Мт 5,32: *яко всакъ ѿпѣщали женю свою*; Мт 18,11: *Принде бо бнъ чловѣческій възискати и бѣсти погѣвшаго*; Мт 5,47: *Не и мѣтарѣ ли тожде творатъ*; Мт 7,29: *яко книжници – тако книжници и фарисее*. Различията засягат и словореда, лексикалната вариантност, преводните особености и др., но са в кръга на допустимата вариантност при превод.

ЛИТЕРАТУРА

Горский 1855: *Горский А. В., Невоструев К. И.* Описание славянских рукописей Московской синодальной библиотеки. Т. 1–2. М., 1855–1857.

Иванова 1996: *Иванова Д.* Търговищкото печатно четвроевангелие (1512 г.) и ръкописната евангелска книжнина (с оглед на лексикалната приемственост) // Българистични проучвания. Международен семинар по български език и култура. В. Търново, 1996, с. 92–106.

Иванова 1999: *Иванова Д.* Търговищкото печатно четвроевангелие и старите славянски преводи на Евангелието (с оглед на текстологичната традиция // Българистични проучвания. Международен семинар по български език и култура. В. Търново, 1999, с. 45–60.

Иванова-Мирчева 1990: *Иванова-Мирчева Д.* Езикът на печатните книги

от XVI век // *Kształtowanie się nowobułgarskiego języka literackiego (do roku 1878)*. Wrocław–Warszawa–Kraków, 1990, s. 73–85.

Alekseev 1999: *Alekseev A. A. Textgeschichte der slavischen Bibel (Текстология славянской библии)* // *Bausteine zur slavischen Philologie und Kulturgeschichte*. Reihe A: Slavische Forschungen Neue Folge. Bd. 24. Köln–Weimar–Wien, 1999.

Г. П. КЛЕПИКОВА
(Москва)

**К изучению славяно-румынских взаимодействий
в лексико-семантической сфере
(обозначение времени и временных отрезков
в румынских диалектах: *ceas*)**

Интерес к различным аспектам славяно-румынских языковых отношений, возникший еще в середине XIX в. и возросший в XX в., реализуется, в частности, в исследовании феномена длительного славянского воздействия на румынский язык, начиная со времени миграции древних славян на Балканский полуостров и связанного с этим приходом их в Дакию (V–VI вв. н. э.). Начало изучения славянского влияния на румынский в области лексики положено Ф. Миклошичем; ценным является вклад в разработку этой проблематики многих ученых Румынии и иных стран, в том числе и России. Ныне очевидно, что решение указанной задачи возможно лишь при учете комплекса специальных критериев, – помимо собственно *лингвистического* (=фонетического, сема-ономазиологического и др.), также *географического* (=величина ареала заимствований как показатель их большей или меньшей древности) и *культурно-исторического*. Внимание к этим критериям позволяет выявить (и стратифицировать) *древнейшие* заимствования (относящиеся к позднепра-славянской эпохе) и хронологически более *поздние*, источником которых были отдельные южно- и восточнославянские языки. Следует отметить, что до сих пор менее изученной остается

* Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ, грант № 01-06-80437.

семантическая сторона славизмов. Между тем только анализ максимально полной семантической амплитуды заимствованного элемента единицы в самом румынском и соответствующей лексеме в языке-источнике позволяет более точно устанавливать «центр иррадиации» заимствования и описать историю его семантики как единство унаследованных и новых, развившихся уже на румынской почве «значений». В качестве примера подобного подхода к изучению семантики славизмов рассматривается лексема *ceas*¹.

Рум. *ceas* (<[ю.-]слав. *časъ* < слав. **časъ* 'ограниченный отрезок времени' <**kēs-o* = <* *kēs* = 'резать, чесать и под.' [ЭССЯ 4, 29]; ср. и др.-прусск. *kīsmān* [<**kēsma*=] '[вычлененный] отрезок времени, (данный) момент' [Топоров 1984: 35 и сл.]), широко представленное, по данным DLR [I, 1940: 257–259], в диалектах, фиксируется в современном языке в следующих значениях: 1) 'час (=1/24 часть суток' (*un ceas, două, trei ceasuri; în ceasul al nouălea; cît e ceasul*; наречные конструкции: *pe ceas/la tot ceas* 'каждый час' и др.) (ср. развитие этого значения – 'церковная служба в определенный час': *ceasul întîiu* [=utrenia] 'служба в 6-м часу утра' и под.); 2) 'длительность времени, в течение которого совершается действие' (*în ceasul de cîntă, mult ceas*; наречные конструкции: *câtva ceasu* 'по прошествии времени' и др.); 'момент, миг' (*o mică de ceas, ceasul norocului, ~ nașterii* и под., наречные конструкции: *în(tr) acest (acel) ceas* 'в тот час', *din ceas în ceas* 'в скором времени', *pe ceas* 'в каждый момент' и др.)²; 3) 'обстоятельства (=«время») – благоприятные или неблагоприятные, – в которых совершается действие': *ceas bun, ceas rău/slab*; ср. также фразеологизмы (*fie*) *într'un ceas bun* '[в] добрый час'; в фольклоре сочетание *ceas rău* выступает и в названиях ночных, злокозненных духов, болезней (*ceas-rău-cu-lipitură* и под.), а также лечебных растений (*buruiana-de-ceas-rău*). Повидимому, вторичны такие значения *ceas*, как 'удача, случай'

¹ Анализ семантики славизма *vreme* см.: Материалы конференции, посвященной 90-летию со дня рождения чл.-корр. РАН А. В. Десницкой. СПб., 2002.

² Ср. и др.-рум. *часъ*: 1) *въ пръвѣн ча(с)*, 2) *съмрътний ча(с)*, *въ тѣ ча(с)* и под. (XVI в. – Inv. 392, 310); 1) *и девѣтъ чѣ* – *шъ ѡл нѡуле чѣ*, 2) *въ тѣ чѣ* – *оньтрѣ чѣла чѣ* (XVI в. – Evan. 267, 176) и под. (используется упрощенная графика, например, знак *і* заменяет *ѣ* = *ѣ*).

([устар.] – *ceas să-mi dăruiești*), ‘часы’ (=прибор), ‘части циферблата’, ‘название народного танца’ и др., где связь с основными, «темпоральными», значениями ослаблена.

Сопоставление румынских фактов с материалами славянских языков указывает, в первую очередь, на значительную близость семантики рум. *ceas* и рефлекса слав. *časъ* в старославянских текстах (как следствие заимствования лексемы в древнеславянскую эпоху – см.: *Mihăilă Gh. Studii de lexicologie și istorie a lingvisticii românești. București, 1973, p. 36*). Ср. по СС (с. 776–777): *часъ* ‘время, час, пора’ (*приде часъ; на мѣногъ часъ*), ‘мгновение, краткий миг’ (*въ чѣсѣ врѣменьнѣ; въ тѣ часъ; въ часъ малъ*), ‘час’ (*часъ*, также ‘молитва определенного часа’) (значение ‘погода’ – *часъ вродѣтъ* – не усвоено румынским, поскольку славизм *vreme* употребляется в нем в значениях ‘время’ и ‘погода’). По-видимому, можно допускать старый славянский источник и для румынского словосочетания *ceas bun* и под.: хотя в СС отсутствует синтагма **часъ & добръ* (=ын), но зафиксированы (*въ*) *благо врѣмѣ* ‘подходящее, надлежащее время’, *добро кстѣ врѣмѣ* и др. С другой стороны, отмечается наличие точных соответствий семантики рум. *ceas* и однокоренных лексем в современных славянских языках, прежде всего в южных. Ср., например, болг. *час* ‘единица времени’, ‘время суток’, ‘время, момент’, ‘время, подходящее для чего-либо’ (также – *всеки час, на добър час, от час на час* и др.) [РСКБЕ 3, 601], серб. *čas* ‘малый промежуток времени, мгновение’, ‘час’; ‘деление циферблата’, ‘часы’, ‘служба’ и под. [RJA I, 896; Skok 1, 297] и т. д.

Особенность истории славизма *ceas* в румынском определяется конкуренцией как с «исконной» лексемой *oară*, так и с неологизмом *oră* (обе – из лат. *hora* < др.-греч. ὥρα [DLR VII, 8, 259]; ср.: [Ernout-Meillet: 532]). В диалектах, по данным ALR (№№ 754–756), в темпоральных значениях более частотным является *ceas*; *oară* и под. фиксируется лишь в некоторых районах Молдовы, Мунтении, Олтении. Словари отмечают богатство семантики *oară/oră*, что позволяет представить направление их семантической эволюции. Так, *oară* – ‘время, момент’, ‘час’, но также (в сочетании с числительными) – ‘раз’ (= *două ori; de multe [bogate] ori* и др.), ср. и фразеологизмы: *a fi în ori (bune)* ‘быть в хорошем расположении’, *a-și veni în(la) ori* ‘вернуться в обычное состояние’ и др.; *oră* – ‘единица

измерения времени, час; дистанция, которая может быть преодолена за час', 'неопределенный интервал времени' (*o oră de pace*), 'фиксированное время, в котором совершается действие' (*in ora de pornire*), 'лекция, урок' и др.³

Таким образом, в результате контактов румынского языка (=его диалектов) с (древне)славянским, с одной стороны, была заимствована лексема *ceas* с большей частью семантического объема слав. **časъ*; с другой – в процессе конкуренции данного иноязычного элемента с исконным *oară*, по-видимому, происходило сближение их семантических объемов, что способствовало, в частности, сохранению темпорального значения самого *oară*.

СОКРАЩЕНИЯ

СС – Старославянский словарь (по рукописям X–XI вв.). М., 1994.

ALR – Atlasul lingvistic român. III. București, 1961.

DLR – Dicționarul limbii române. I–. București, 1913–.

Evan. – Evangheliarul slavo-român de la Sibiu. 1551–1553. București, 1971.

Inv. – Invățăturile lui Neagoe Basarab către fiul său Theodosie. București, 1996.

Остальные сокращения см. в издании ИРЯ РАН «Этимология».

ПЕТЯ КОСТАДИНОВА
(София)

Етнолингвистични аспекти на Възраждането (къщите и дрехите на българина)

Докладът представя част от по-голямо изследване. Основната му задача е да покаже как съжителстват две различни култури (християнска и мюсюлманска), поставени в неравностойно положение. За тази цел са използвани езикови данни от българското Възраждане.

³ Заметим, что в древнерумынском *oară* фиксируется как будто только в значении 'раз'; ср., например: *трѣя ѡръ* – третнѣж, *де мѡлте ѡрь* – множицеж, *де шаптъ ѡрь до седъмь крѣтъ* и др. (Evan. 337, 244, 254).

Всяка културна общност се реализира като единство на социокултурно време и социокултурно пространство – това е и конкретната тема на настоящото изследване.

Създаден е модел за описание на измерването и концептуализирането на социокултурното време на българите през Възраждането. Неговите изходни теоретични положения са заети от публикувани вече постановки на Е. Лийч и П. Сорокин. Социокултурното време се разглежда като последователност от точки и интервали. Точките представят различни видове ритуали (празничност), общи за българската християнска общност, и се характеризират с краткост, а интервалите представят физическото време (ежедневност) между точките и се характеризират с продължителност. Основни и конституиращи части от механизма на реализация на една или друга точка в социокултурното време представят преобличането и речевото поведение на членовете на общността. Социокултурното пространство се разглежда като мозайка от общи лични (индивидуални) части.

Особеностите при концептуализирането на социокултурното време и пространство рефлектират в езиковата система на българския език през Възраждането. В предлаганата част от изследването се анализират лексеми, назоваващи дрехи и къщи. Описанието на такива езикови рефлексии представя и доказателство за конструираната теория.

Ю. А. ЛАБЫНЦЕВ, Л. Л. ЩАВИНСКАЯ
(Москва)

Рукописный словник «пръстой мовы» Н. С. Врублевского и церковнославянизмы в его составе

Во время наших экспедиционных исследований на белорусско-украинско-польском пограничье нам неоднократно удавалось знакомиться с самыми различными лексикографическими материалами, собиравшимися местными жителями, которые, как правило, весьма

* Исследование осуществлено благодаря финансовой поддержке РФНФ, грант № 02-04-18001е.

неохотно показывали их посторонним. К числу уникальных в ряду подобных материалов принадлежит «Słownik języka wsi Chraboty k/Bielska Podlaskiego», составленный в 1960-е годы уроженцем деревни Храболы Николаем Симоновичем Врублевским. Словарь насчитывает более 19 тысяч слов, касающихся всех сторон жизни здешних крестьян, из среды которых происходит и его составитель Н. С. Врублевский, родившийся в 1936 г. на одном из хуторов вблизи Храбол. Выпускник Белорусского лицея в Бельске Подляшском и Белорусского государственного университета в Минске он в течение ряда лет (1961–1970 гг.) трудится в Варшавском университете, затем житейские неудачи начинают преследовать его одна за другой и он возвращается на родную Белосточчину, полностью порывая связь с польским ученым миром. Приостанавливается и его работа над словарем языка деревни Храболы, который остается незавершенным. Н. С. Врублевскому удается закончить лишь составление реестрового словника.

Несмотря на то, что традиционный поточный язык восточнославянского населения Подляшья именовали и все чаще, особенно с 2002 г. и прежде всего в интеллигентских кругах, начинают именовать «русским», местное население упорно называет его «пръстой мовой», «тутейшей мовой», «нашей мовой». Все это относится и к жителям и уроженцам Храбол, с которыми нам приходилось общаться, называвшими язык своей деревни «пръстым». Язык этот имеет ряд своих собственных специфических черт, что связано с исторической судьбой Храбол, возникших в XV – начале XVI в. (первое письменное упоминание в 1536 г.), как поселение православных «русских» бортников и бобровников неподалеку от реки Нарев. Анализируя словник Н. С. Врублевского мы можем, в частности, отметить огромный пласт заимствований преимущественно из русского разговорного языка, что, прежде всего, конечно же, было связано с так называемым беженством 1915–1920-х годов – практически поголовным пребыванием жителей Храбол в глубине Российской империи и России после их эвакуации с Подляшья.

Особый интерес представляют церковнославянизмы в составе «пръстой мовы» Храбол, которые, как мы можем судить, составитель словника зафиксировал далеко не полностью. Примером могут служить широко распространенные по сей день употребляемые местными жителями такие слова, как «акафист», «богогласник» и другие, отсутствующие в рукописном словнике.

Системен подход при проучване на семантичните иновации и тяхното лексикографско описание

1. Проучването на семантичните иновации изисква системен подход, който да позволи да се изяснят критериите за отделяне на новото значение в семантичната структура на думата. В този доклад се приема тезата на Е. Косериу за различаването на иновацията от нейното приемане. В такъв случай в изследването може да се включват и семантичните оказионализми, за които има достатъчно основания за тяхното отделяне като ново значение.

И при семантичните оказионализми, и при семантичните неологизми критериите за определяне на едно значение като отделно са от парадигматичен и синтагматичен характер. Тези характеристики могат системно да се проучат чрез систематизиране в табличен вид, при което техните особености лесно се определят. Такъв подход позволява и да се изведат основанията за отделянето им като нови значения в семантичната структура на думата.

Таблицата се състои от три графи. В централната графа се извежда думата, при която се предполага, че може да се отдели ново значение. В дясната графа се извежда семантичната структура на думата, с всичките значения, включително и иновацията. По този начин се извежда парадигматиката на думата и се определя мястото на семантичната иновация, деривационните връзки и отношения между отделните значения. В лявата графа се дават примери, в които се извеждат синтагматичните особености на новото значение и се улеснява прилагането на метода на субституцията. Например:

примери	дума	значения
Това твърди Г. Минчев, <i>гуру</i> в света на тортите и собственик на сладкарници «Неделя». Рекламният <i>гуру</i> първоначално смятал да кръсти дуета «ОРЗ» (Остри респираторни заболявания). «Срещата на високо равнище на НАТО в Прага може да бъде среща на историческо разширяване», обяви <i>гу-</i>	<i>гуру</i>	1. духовен наставник, учител в будизма 2. някой, който поучава, дава съвети, напътства

<i>руто</i> на политологията Збигнев Бжежински.		
В последно време изключително модерно е точковото халогенно осветление и така наречените <i>лунички</i> . При избора на <i>луничка</i> винаги обръщайте внимание на покритието.	<i>луничка</i>	1. умал. от луна 2. жълтеникаво петънце по кожата на лицето или ръцете на човека 3. <i>малка кръгла халогенна лампа, която се монтира на тавана</i>

Тази систематизация позволява да се изведат основанията за отделяне на ново значение в семантичната структура на думата.

2. Лексикографското описание на семантичните иновации също изисква системност. Думата е микросистема, поради което новото значение не може да се разглежда изолирано. Всеки речник на такова явление трябва да съдържа цялата структура на думата, при която се открива иновация. Отделянето на семантичния неологизъм или оказионализъм се извършва на базата на различното графическо оформление. Този начин на представяне на семантичната иновация позволява тя да се свърже системно или асоциативно с останалите значения. Също така се избягва неразбирането в някои случаи на тълкуването, поради липсата на тези връзки. Това води до усложняване при възприемането или правилната употреба на иновацията.

При такъв подход един речник на семантичните иновации в езика може да бъде в помощ както на изследователите, така и на обикновените потребители.

В. М. ЛЯШУК
(Минск)

Языковые изменения при литературной обработке прозаического фольклорного текста

Отношение фольклорной сферы к литературному языку является одной из типологических характеристик, на которую в разной степени и в составе различных системно-классификационных признаков

обратили внимание Д. Брозович и Н. Толстой. Стилистическое влияние (по Д. Брозовичу) фольклорной литературы на материальную основу стандартного (литературного) языка составляет оппозицию мнению о наличии бинарных групп признаков (по Н. Толстому), включающих *близость/отдаленность литературного языка и народно-поэтического койне; сильную/слабую развитость народно-поэтического койне; соотношенность народно-поэтического койне со структурой фольклора/отсутствие такой соотношенности*. При этом в литературных языках позднего формирования, к которым относят и белорусский язык, роль и влияние фольклора имеют до настоящего времени достаточную устойчивость.

Фольклорные тексты частью авторитетных специалистов провозглашаются образцами для совершенствования языковых средств (в первую очередь писателями): «Кожны пісьменнік павінен выпрацоўваць сваю літаратурную мову, але па законах і прыродзе народнай» [Скрыган 1990: 349]. Безусловно, воздействие языка фольклора на литературный язык проявляется в наличии единого стилистически нейтрального и функционально идентичного языкового ядра, а также тождественности стилистических приемов в интерпретации художественным и повседневно-бытовым мышлением реальных объектов и их связей (элементы парадоксальности, небылицы, юмор и гиперболизация и др.).

Наиболее оригинальные фольклорные тексты, которые соответствуют критериям художественности, неоднократно воспроизводят в печатном варианте в разной степени литературно обработанными. Исследователь белорусских и других восточнославянских сказок Л. Бараг, оценивая переиздание популярных на Беларуси сказок из записей А. К. Сержпутовского («літаратурна папраўленых») отмечает, что «іх паэтычны дух у некаторай ступені страчаны з-за перакладу дыялектных вобразных выразаў і трапных народных слоўцаў на літаратурную мову» [Бараг 1969: 21]. В наибольшей степени трансформируется язык в текстах сказок, которые предназначаются для детей, регулярно издаются с 40-х годов XX в. и переводятся на славянские и неславянские языки. Традиция литературной обработки сказок связана с деятельностью белорусских писателей Я. Коласа, А. Якимовича, продолжена значительно позже Х. Лялько и др.

Языковые изменения как результат литературной обработки затрагивают, однако, не только ограниченные в употреблении, но и общеупотребительные средства. Разные языковые уровни претерпе-

вают разную степень трансформации. Наиболее последовательно выравниваются (с ориентацией на кодификацию) фонетика, графика, орфография. В лексике прослеживается тенденция к уменьшению синонимических средств, увеличение повторяемости сюжетно (стилистически) значимых лексем, перераспределение средств модальности с частичным или полным изменением ее качества. При литературной обработке, как правило, сокращается количество элементов в актуализированных в тексте лексико-семантических группах. Лексика, включенная в парадигматические и синтагматические связи, определяет синтаксические особенности как аутентичного, так и литературно обработанного текста.

При этом не сохранившиеся при литературной обработке языковые единицы и грамматические формы возможно квалифицировать как определенные реликты, как исключенные из литературных типов элементы, если последние не кодифицированы в современном синхронном срезе, что касается апеллятивов и онимов. Литературная обработка выполняет несколько функций, связанных с: 1) уменьшением степени или устранением неясности как основной черты архаизмов, а также лексики (и шире – средств) ограниченного употребления; 2) повышением степени понятности путем упрощения формы подачи информации, сокращения деталей, развития основного сюжета, более частого использования повтора; 3) развитие/изменение преимущественных концептуальных признаков, отраженных в мотивированных номинациях.

Универсальной тенденцией литературной обработки является сокращение элементов текста с единичными фрагментарными вставками, не влияющими, однако, на общую тенденцию к уменьшению текстового объема. Понятие «темного места» в фольклорном тексте связано с классификационными признаками явления в ракурсе палеонтологической лингвистики – отражение лингвистического времени в факте последующих наслоений, степень включенности в систему, наличие разных аналогий (например, типологических). Специфика связана с генетическим статусом редких диалектизмов, иногда иноязычного происхождения [Антропаў 1996: 21]. Литературный вариант ориентируется на определенные стандарты, концентрируя некоторые фольклорные черты и создавая свой образ фольклорного стиля. Языковые изменения соотносятся с языковыми нормами и образами.

Факт трансформации неясности со сдвигом в концептуальной сфере наблюдается в литературной обработке сказки из записей А. К. Сержпутовского «Мужык і пан» в текст с названием «Як Сцёпка з панам гаварыў». Выбор культурно не маркированного собственного имени влияет на трансформацию обобщенного концептуально ориентированного названия на ситуационно привязанное, конкретизирующее, единичное. И хотя сохраняется фонетическое подобие, при обработке теряется функция характеризующей номинации, прозвище-дразнилка заменяется семантически не заполненным условно индивидуализирующим именем: *Стопак* > *Сцёпка*. Мотивация прозвища может быть связана с диалектным словом *стопок*, зафиксированным «Тураўскім слоўнікам» (Т. 5, 1987) со значением 'атопак' (стоптанная обувь). Его варианты (*стопкі, остопкі, астопак/астопкі, атопак, растопак*) отражены большинством белорусских диалектных словарей, «Этымалагічным слоўнікам беларускай мовы» (Т. 1, 1978) и монографией «Лексика Полесья» (М., 1968), имеет параллели в украинском языке. В белорусском литературном языке зафиксировано слово *атопкі*, ед. *атопак* («Тлумачальны слоўнік беларускай мовы» Т. 1, 1979). Метафорический перенос обосновывается кратким фольклорным контекстом: *Толькі быў адзін нехлямяжы мужычок, дражнілі яго Стопкам; той умеў з панам гаварыць*. При литературной обработке использованное имя сопровождается новым комментарием: *Імя ён меў Сцяпан, але ўсе звалі яго проста Сцёпка. Малы, бач, ён быў ростам і шчуплы*. Исходный образ переосмысливается в других средствах.

Языковые изменения, таким образом, ориентируются на стандартизацию средств и подчеркивание (путем увеличения частотных характеристик) определенных элементов, как правило не ограниченных только фольклорной сферой. Вместе с тем исходные, не включенные в трансформированный текст элементы, представляют собой культурно ориентированную, связанную с пространственно-временными характеристиками информацию, существенную как для типологии развития отдельных литературных языков, так и для палеославистики. Речь может вестись о существовании в белорусском фольклоре и литературном языке значительного количества общих средств номинации и оценки, относящихся к стандартным единицам коммуникации, которые являются константными единицами при литературной обработке.

ЛИТЕРАТУРА

- Антропаў 1996: *Антропаў М.* Этналінгвістычныя магчымасці аналізу фальклорнага тэксту // Беларуская лінгвістыка. Вып. 45. 1996, с. 21–26.
- Бараг 1969: *Бараг Л.* Беларуская казка. Минск, 1969.
- Скрыган 1990: *Скрыган Я.* Некалькі хвілін чужога жыцця. Минск, 1990.

ЕЛКА МИРЧЕВА
(София)

Към българската историческа лексикология (един среднобългарски ръкопис и проблемът за старобългарската лексика)

Предмет на изследване е един среднобългарски ръкопис, съставен в 1359 г. в търновски скрипторий, в който нормите на Търновската книжовна школа са били в процес на създаване, т. е. нар. Германов сборник. По графико-правописните си особености той е типичен търновски предевтимиев ръкопис от ср. на XIV в. Такъв ли е обаче и езикът, и в частност и лексиката на Германовия сборник?

Многобройни изследвания от повече от 40 години не един път са обръщали специално внимание на изключително архаичния състав на ръкописа – тук специално внимание заслужават двете слова на Йоан Екзарх Български (похвално слово за св. Йоан Богослов и Преображение), словата на Климент Охридски за Михаил и Гавриил, за прор. Илия, за рождество на Йоан Кръстител, както и повторните старобългарски преводи на словото за 40-те мъченици и на Епифаниевата хомилия за погребение Христово. Редица морфолого-синтактични особености причисляват към този безспорно архаичен състав словата за св. Текла, св. Никола, св. Стефан, Богоявление, Сретение, Благовещение, св. ап. Петър и Павел, Усекновение на Йоан Кръстител. Като сравнително по-нови и с ярки преславски черти могат да се определят словата за Обретение, Чудото в Хон, Лазарево възкресение, Пасха, Бялата неделя, Възнесение, Успение. Един голям дял от състава може да се нарече «смесена група». Особено и изолирано място в Германовия сборник заема предевтимиевото Василиково житие на св. Параскева (Петка) Епиватска,

преведено вероятно скоро след 1230 г. (битката при Клокотница и пренасянето на мощите на свегицата в Търново). Всичко това показва, че на Германовия сборник трябва да се гледа като на ръкопис с мозаична структура.

След внимателен текстологичен анализ и при привличане на други преписи, материал от подобни късни кодекси може да попълни представата ни за лексикалното богатство на старобългарския език, така, както материал от същия Германов сборник обогати представите ни за старобългарската морфология и особено за старобългарския синтаксис.

Привличането на по-късни извори като Германовия сборник е рисковано. В капиталните си трудове по лексикология Р. М. Цейтлин посочи опасностите от приписването на старобългарската лексика на по-късни значения, словообразователни форманти, даже вписването на несъществуващи думи в речниковия състав на старобългарския език. Това ограничи Цейтлин в изследването на преписаните за последен път през X–XI в. ръкописи, свеждайки ги до 17. Измежду тях само два са сборници – Супрасълския и Клоцовия. По този начин извън старобългарския период и съответно извън старобългарската лексика остават оригиналната старобългарска литература, както и огромен брой панегирични и агиографски преводни четива. В случая с общите за Германовия сборник и двата старобългарски сборника слова излиза, че старобългарски е новият (преславски) превод на словото за 40-те мъченици и слово № 21 от Супрасълския сборник (Благовещение), което в Супрасълския носи следи от преславска лексикална замяна. Архаичният превод на словото за 40-те мъченици, както и архаичният вариант на Златоустовото слово за Благовещение от Германовия сборник попадат сред среднобългарските текстове от XIV в. По същия начин среднобългарски се оказва и повторният преславски превод на Епифаниевата хомилия за Погребение от Германовия сборник, докато архаичният превод, познат от Клоцовия и Супрасълския сборник е старобългарски. Това не само не може да се приеме от текстологическа гледна точка, но създава и погрешна представа за среднобългарската лексика, която изкуствено се обогатява с един значителен свърхархаичен лексикален пласт. В среднобългарски ръкописи като Германовия сборник този лексикален пласт не е типична особеност, а е факт, благодарение на съзнателното връщане към древни за съставителя на ръкописа образци, осъществено в ср. на XIV в. от съставителя на сборника.

Смятам, че след внимателен анализ, при отчитане собствената история на всеки отделен текст, мястото, където трябва да се разглеждат лексеми, които срещаме в редица от словата в Германовия сборник, като **ковъ**, **корьнитъць**, **кравини**, **ьдръ**, **шюи**, **котыга**, **кръвавица**, **колимогъ**, **прѣпона**, **водьць**, **жѣжелци**, **женитва** и под. е в лексикалните изследвания на старобългарския книжовен език.

Обединените усилия на литературоведи, текстолози и езиковеди могат да разширят значително изворовата база за изследването на старобългарския книжовен език и в частност – старобългарското лексикално богатство.

А. С. НОВИКОВА
(Москва)

Из истории славянского перевода текста Тайной Вечери

Все четыре евангелиста повествуяют о последней Тайной Вечери Иисуса Христа со своими учениками накануне Его крестных страданий: Мт 26,17–29; Мк 14,12–25; Л 22,7–30; И 13,1; И 13,18–30. Однако обстоятельства Тайной Вечери не все евангелисты передают с одинаковой полнотой. Есть расхождения между первыми тремя евангелистами и Иоанном Богословом в определении дня, в который она происходила. Традиционно считается, что это важное для христиан событие произошло накануне Ветхозаветной Пасхи согласно описанию его евангелистом Иоанном.

В списках Евангелия тетр текст Тайной Вечери представлен у всех евангелистов, в полных апракосах у трех (Матфея, Марка и Луки), а в кратких апракосах только в Евангелии от Матфея.

Сравнительно-сопоставительное изучение текста Тайной Вечери по Матфею в 40 списках Евангелия разных редакций и изводов X–XVII вв. и современном богослужебном тексте позволяет отметить 57 разночтений на разных языковых уровнях (в области лексики, словообразования, морфологии и синтаксиса).

Укажем на основные разночтения, отмеченные в обследованных нами списках Евангелия. В скобках даются номера стихов.

I. Лексические и словообразовательные различия

къ етероу – къ единомуу – къ нѣкомуу – къ оньсици – къ оньси – къ динѣ (17); врѣмѣ – годъ (18); скръбѣще (скърѣбѣще, скорѣбѣще) – пекѣще сѣ – печальни бѣвшѣ (22); въ солило (въ солилѣ) – въ тривѣли (23); горе – лү(ю)тѣ (24); снѣ члѣскъ(ын) – снѣ члѣ (24); равни, рамни – оучителю (25); прин(е)мѣ хлѣбѣ – възь(ъ)мѣ хлѣбѣ (26); въ оставленне – въ отъданне – въ отъпоущенне (27); проливаема(ѣ) – изливаема(ѣ) (28); юже (оуже) – ѿнинѣ – ѿселѣ (29); новъ – вино (29); въ (въ) црѣствѣн оца моего – въ црѣкви ѿца моего (29).

II. Лексико-синтаксические различия

день опрѣснѣка (опрѣснѣкъ, опрѣснѣкы) – день опрѣснѣчынн – день бескваснѣ (17); хвалѣ въздавѣ – блгдѣть въздавѣ – блгдѣдѣрнѣ, благодарн (27); плода лозъна(а)го – плода виньнаго – плода виноградънаго (29).

III. Морфологические различия

къ ісоу – къ ісоусовн (17); тебѣ – ти – тобѣ (17); съ оученикы монни – съ оученикы своимн (18); възлеже – въ(о)злежа(а)ше (20); съ обѣма на десѣте – съ д(ъ)вѣма на десѣте (20); прѣдастѣ – прѣдаст(ъ) (20); единъ къ(ь,о)ждо нхѣ – каждо нѣ – единъ по единомуу (22); начасѣ – начасѣш (22); скръбѣще – скръбѣшѣ (22); омочни – омочнѣын – шмакавъ (23); въ солило – въ солилѣ (23); ржж (роукоу) – рүкою (23); ви бѣло – бѣ бѣло (24); ви не родилъ (сѣ) – бѣ не родилъ сѣ – не бѣ родилъ (сѣ) (24); добрѣе – добрѣ – добро (24); прѣданъ вждетѣ – прѣдастѣ сѣ (24); естѣ писано – пишеть (24); члѣкоу томоу – члѣкоу оному (24); гла – глѣ (25); прѣдаванн – прѣдавѣ (25); рече – рекѣ еси (25); блгсѣть – блгѣнн – блгѣннѣ (26); се – сѣ (26); прѣломѣ – прѣломнн (26); дастѣ – даде (27); се – сѣ (28); грѣхѣ – грѣхомѣ – грѣховѣ (28); за вы – за многы – за вы и за многы (28); новъ(ь) – ново – новое (29); въ(о) црѣствѣн – въ црѣствѣнн (29); въ црѣство – въ ц(с)рѣствѣ (29).

IV. Синтаксические различия

прѣстѣпнѣшѣ + къ – беспредложная конструкция (17); (ѣ)ѣсти пасхѣ – (ѣ)стн пасхѣ – пасхѣ ѣсти (17); беспредложная или предложно-падежная конструкция: идѣте въ градъ къ... – идѣте въ

градъ – отсутствие предлога къ (18); до того дне – до д(ь)не того (29).

V. Текстологические различия

Наличие или отсутствие союза и перед причастием (ѣ)адѣщемъ (21); наличие или отсутствие имени иѣъ после лексемы при(е)мъ (26); наличие или отсутствие союза и после слова хлѣбы (26); наличие или отсутствие союза и после существительного чашѣ (27); наличие или отсутствие указательного местоимения ѡже после слова завѣта (28); егда ниѣ – егда є пию – егда и ниѣ(ѡ) – егда его пию (29).

Появление большинства из указанных выше разночтений обусловлено редакционной правкой, проводившейся в различных центрах славянской книжности. Особенно много исправлений в изучаемом тексте было сделано преславскими книжниками в эпоху царя Симеона. Первоначальный кирилло-мефодиевский перевод текста Тайной Вечери (до Моравской миссии), характерный для краткого апракоса, лучше всего сохранился в Ассеманиевом евангелии, хотя и здесь имеются некоторые новообразования более позднего происхождения. В Ватиканском палимпсесте, как и в Саввиной книге, наряду с древними краткоапракосными чтениями, имеются новые, присущие первоначальной редакции тетра типа Мариинского евангелия. Стихи 17–20 в этом памятнике вообще отсутствуют.

Текст Тайной Вечери, сохраняющийся до сих пор в церковном употреблении в Русской Православной Церкви, восходит к Елизаветинской Библии XVII столетия и хорошо отражает эволюцию славянского перевода Евангелия на всех языковых уровнях. В его основе лежит один из преславских протографов Евангелия тетр, позднее редактировавшийся в монастырях Афона в середине XIV в. и затем незначительно исправленный (главным образом в области фонетики) на Руси при Епифании Славинецком.

Лингво-текстологический анализ выявленных в ходе работы над старшими и младшими списками Евангелия разночтений в тексте Тайной Вечери у апостола Матфея дает возможность проследить историю развития и функционирования этого перевода у православных славян и подойти к вопросу о реконструкции первоначального (до Моравской миссии) кирилло-мефодиевского перевода этого текста. Один из предполагаемых вариантов такого перевода имеется в распоряжении автора.

Речник на отдавна забравеното

Дори в новото хилядолетие човекът на земното «глобално» пространство и време, чувствайки се или стремейки се към «гражданство на света», има мигове на самовглъбяване. Понесъл се като романтик-лятящ холандец или като прагматик, за когото домът е там, където му е добре, в тези мигове на самовглъбяване у него проблясва или болка на носталгия, или болка да се впише в неродното обкръжение като свой. Тези две изконни болки могат да имат конкретен образ, могат да се изразяват с определена цел, модел за живеене или пък да са без образ. Но в тях днешният «гражданин на света» усеща и осъзнава безпогрешно едно – ядрото на тези болки е езикът. От една страна – липсата на родния, на който в неродната земя не можеш да се изразяваш. От друга страна – чувството за невъзможност да овладееш езика на чуждата земя, така както родният ти език изпълва цялото ти същество, подсъзнание и изразява «аромата» на нещата. Родният език затова като че ли е безспорният феномен, който и представя, и моделира човека, а и когото човек също непрекъснато вае, използвайки го. Заради това и в езикованието улавянето на тези свойства на езика, описанието на гъвкавостта им за комбиниране са бленувания за достигане бряг. Затова вероятно доста често изследванията на формално и смислово равнище на езика и на проявите му в речта, провокират у езиковеда желание да им даде израз в универсалния справочник за смисъла и за живота на думите – речника. Оказва се, че такъв тип речник изпъква с подчертана необходимост именно сега. Защото светът за кратко време направи технологични скокове, които коренно промениха начина на живот и мислене. «Атмосферата, ароматът» на езика остават. Те са неувимото. Но при този скок-срив на съвременната цивилизация тази атмосфера става неувимото дяволче, без което съвременният човек се задъхва, изгубва цвета и силата на езиковото си изразяване. Етнокултурните наслонения пулсират в кръвта му, но езиковият им израз е замъглен и човек започва «да блуждае сред думите на своя език като малко дете, загубено сред дърветата в гората» (М. Дрюон. Ал. Велики. София, 1998, с. 53), защото знае езика, но е загубил словото.

Съвременното състояние на нещата, представено от тази гледна точка, предизвиква преосмисляне на конотацията и доведе съвременните лингвисти (Ю. Д. Апресян, И. Мельчук), теоретиците на превода (Ю. А. Найда) и лексикографите (С. Ландау, П. Бенсън, Л. Згуста) до поставянето ѝ в основата на семантичното и лексикалното обновление на езика и като ключ за етимологичната му памет. Този поглед към семантичната мотивация и значението на думите даде възможност и за изграждане на концепцията за «Речник на отдавна забравеното».

Речникът включва думи и типични изрази от българската литературна класика. Цели да представи значенията на тези думи и изрази, които са забравени, неясни или непознати поради настъпилите дълбоки социално-битови промени за последните 100–150 г. у нас. Където е необходимо се дават дефиниции с лингвистични етнокултурни обяснения. Където е възможно се посочват сравнения за подобен бит и представи у другите славянски и балкански народи. Така речникът не само представя лексико-семантичната структура на думата, съотнесена с родствените и контактни езици, но чрез тази структура дава косвена представа за общото (или различното) в картината за света на съответните народи.

Тълкуването на значенията с елементи на етнолингвистични обяснения подпомага преподавателите по български език и литература за по-пълноценно изясняване на писателския похват и естетика в съответните изучавани произведения. Този тип тълкуване превръща речника в ценно помагало и при изучаване на български език от чужденци и при обучение по българско странознание.

ЛИТЕРАТУРА

- Апресян Ю. Д. Избранные труды. Т. II. М., 1995.
- Бешевлиев В. Прабългарски епиграфски паметници. София, 1981.
- Панчовски И. Пантеонът на древните славяни и митологията им. София, 1993.
- Тракийската древност. Речник. София, 1993.
- Benson P. Ethnocentrism and the English Dictionary. London & New York, 2001.
- Landau S. Dictionaries & the Art and Craft of Lexicography. 2-d ed. Cambridge, 2001.
- Mały słownik kultury dawnych słowian. Warszawa, 1972.
- Mel'čuk I. et al. Dictionnaire explicatif et combinatoire du français contemporain // Recherches lexico-sémantiques. Vol. 4. Montréal, 1999.

Две древнейшие редакции славянского Евангелия: Зографское и Ассеманиево евангелия

Два древнейших глаголических четвероевангелия – Мариинское (Мар) и Зографское (Зогр) – имеют сотни расхождений, многие из которых объясняются зависимостью от разных греческих источников. Во всех случаях, когда чтение Зографского евангелия восходит к иному, нежели чтение Мариинского евангелия, греческому варианту, Ассеманиево евангелие (Ас) объединяется с Зографским. Характер различий как будто указывает на первичность чтений Мариинского евангелия. Судя по всему, Зографское и Ассеманиево евангелия отражают исправление первоначального перевода по греческому тексту. Например, в И 6,1 в Зогр и Ас, согласно с большинством греческих списков, читается **морѣ тивернадьска**, в то время как в Мар в соответствии с некоторыми греческими списками – **морѣ галилъя таверьѣдъскы**. Чтение Мариинского евангелия и соответствующих греческих списков менее вразумительно и потому должно быть признано первичным. О большей близости Мар к исходному тексту свидетельствует и сохранение непереуведенных грецизмов, замененных в Зогр и Ас славянскими эквивалентами, а также лексические архаизмы: **бални, заклепе сѧ, миса, жаль, ѡдро** и др.

Для общего источника Зогр и Ас, подвергнувшегося редактуре, характерна унификация параллельных мест в синоптических евангелиях. Так, в Мар стих Л 23,45 кончается словами **на дъвоє**, в Зогр и Ас добавлено: **отъ горы до низоу (низъ Зогр)**. В греческих списках это добавление не зафиксировано, оно появилось под влиянием сходных мест Мк 15,38 и Мт 27,51.

Зографское евангелие имеет исправления по греческому тексту и в частях, не входивших в состав краткого апракоса и потому отсутствующих в Ассеманиевом евангелии. С другой стороны, в Ассеманиевом евангелии, как отметил К. Горалек, фиксируются многочисленные случаи сближения славянского текста с греческим, отсутствующие в Зографском евангелии. Маловероятно, что в протограф Зографского евангелия из протографа Ассеманиева были заимствованы выборочные исправления по греческому тексту: трудно объяснить, почему при этом многие более правильные и понятные

чтения были проигнорированы. Логичнее предположить обратное: исправленный по греческому тексту источник Зографского евангелия послужил основой для дальнейшей редакции, которая позаимствовала исправления, отразившиеся в Зографском евангелии, и добавила ряд новых. Эта редакция была осуществлена в ходе создания краткого апракоса на основе тетра типа Зографского евангелия. Вторичность текста Ас по отношению к тексту Зогр хорошо видна в И 5,44: *славы иночадаго вѣжнѣ Зогр, славы иночадаго сѣа вѣжнѣ Ас* (в греческом нет соответствия для добавленного *сѣа*). На относительно позднее создание редакции, представленной в Ас, указывает и гораздо более масштабная унификация параллельных мест в синоптических евангелиях, чем проведенная в тексте Зографского евангелия, а кроме того лексические и словообразовательные инновации: *лѣннвыи* (*лѣнныи* Мар Зогр), *придаважще* (*прдѣжще* Мар Зогр), *оставити*, *оставление* (*отъпоустити*, *отъпоушение* Мар Зогр), *искоушати* (*окоушати* Мар Зогр) и др. При сверке с оригиналом в текст были внесены новые грецизмы.

Ассеманиево евангелие в лексическом отношении отражает некоторое влияние восточноболгарского словоупотребления. В нем встречаются такие восточноболгарские лексемы, как *акы*, *радѣма* (многократно зафиксировано в Супрасльской рукописи, в других старославянских памятниках не отмечено) и *послоушьствовати* – в тех же местах, в которых этот глагол употребляется в Юрьевском евангелии, типичном представителе преславской (симеоновской) редакции полного апракоса. Таким образом, можно предполагать, что Ассеманиево евангелие уже испытало влияние со стороны преславской редакции евангельского текста.

На тексте Зографского евангелия восточноболгарское влияние сказалось гораздо сильнее, и влияние преславской редакции для него можно предполагать с большей уверенностью. В нем отмечены такие лексемы, как *дохѣторъ*, *акы*, *подрогъ* (встречается в Саввиной книге, Супрасльской рукописи, Толковых Пророках), *пастоухъ* (в месте, где это слово употреблено в симеоновской редакции), *понгавца* (по большей части в местах, где в списках симеоновской редакции *понгава*), *съборъ* (в местах, где это слово употреблено в симеоновской редакции) и др. Для Зографского евангелия характерна тенденция к замене грецизмов славянскими эквивалентами.

Таким образом, Зографское и Ассеманиево евангелия отражают две восточноболгарские редакции, причем редакция Ассеманиева

евангелия основывается на том же исправленном по греческому оригиналу тексте, что и Зографское. Этот общий источник в Зографском евангелии эволюционировал в сторону преславского словоупотребления, а в Ассеманиевом подвергся дальнейшему сближению с оригиналом и еще более последовательной унификации параллельных мест в синоптических евангелиях.

И. В. ПЛАТОНОВА
(Москва)

О языке рукописных дамаскинов XIX века (функционирование имен существительных в дамаскинах)

Процесс развития аналитического способа выражения синтаксических отношений имен существительных в болгарском языке и его отражение в письменных памятниках остается одним из интересных вопросов истории болгарского языка.

Наиболее наглядно этот процесс можно проследить, рассматривая тексты с общим содержанием, созданные различными авторами и в разное время. Такими текстами могут быть статьи дамаскинов, так как они переписывались, начиная с XVII и вплоть до XIX в. Сохранились дамаскины, написанные и на традиционном литературном языке поздних редакций, и на разных типах книжного языка на народно-разговорной основе.

Формы и синтаксис имен существительных в одной из статей этих сборников – переводе жития святого апостола Фомы – ранее были рассмотрены нами в старших дамаскинах – Костенецком и Кринском, 7 дамаскинах I новоболгарского типа (XVII в.), а также дамаскинах № 1058 и № 689 Иосифа Брадатого и его круга (XVIII в.) и близких им по языку младших сборниках № 90 (XVIII в.) и № 697 (1901 г.).

В докладе, как продолжение исследования, представлено функционирование имен существительных в этой же статье рукописных дамаскинов XIX в., хранящихся в рукописном отделе Народной библиотеки, София – № 335, писаном даскалом Тодором в 1827 г., в Пирдопе и № 359, датированном 1850 г.

Статьи обоих сборников, текстам которых присущи некоторые различия, близки статьям дамаскинов I новоболгарского типа (особенно № 335).

Синтаксические отношения имен существительных в дамаскинах № 335 и № 359, как и в других рукописях, написанных на книжном языке на народной основе, выражаются аналитически – общей формой с предлогами и без предлогов.

Для обозначения прямого и других косвенных объектов общий падеж (без предлога и с предлогами) существительных м. р. ед. ч. – лиц в основном восходит к род.-вин. падежу *о- основ, но, в отличие от дамаскинов I новоболгарского типа и дамаскинов Иосифа Братодатого, некоторые существительные получают форму общего падежа, восходящую к им.п. *о- основ. В Троянском дамаскине в форме им. п., как исключение, стоит существительное майсторъ, в № 335 и № 359 наряду с майсторъ встречается члкъ, а в № 335 также дърводѣлецъ (л. 36) и гдѣрь (л. 38).

В обоих сборниках, также в отличие от указанных дамаскинов, не употребляется беспредложный дательный падеж.

Флексия дат. п. основ на *о- встретила лишь в № 359 в значении принадлежности у существительного апостоль: а̀пѣлѣ – л. 18.

В значении адресата предоставления, адресата сообщения и принадлежности у всех существительных употребляется общий падеж с предлогом на, только в оглавлении представлена пестрота форм существительных апостоль и ѳома.

Падежные формы, как и в других дамаскинах, сохраняются у наречий и имен существительных, входящих в канонические или просто часто употребляющиеся в церковной практике выражения, например: зимѣ – № 335, 40; с верою – № 359, 20; до вѣка – № 335, 42 (до вѣка – № 359, 19) и др.

Отличительными чертами сборников № 335 и № 359 также являются:

– замена именных конструкций глагольными и наречными, например:

и чинѣше свадѣба на своа дъщеря – Копр. дам., 2;

женеше си дъщыра – 335, 37;

та^м црѣ жѣнеше дщѣра – 359, 17;

й слѣчи се свѣръ на ѳнзи кладенець – № 709, 22;

и слѣчи са нѣкой свѣръ тамъ – 335, 37;

– стремление избегать существительных ср.р. на -ие, а также употреблять собирательные формы на -ие и -е, заменяя их обычным множественным числом, например:

сътвори бл^ѣвеніе – Копр. дам., 2;

да гѣ бл^ѣви – 359, 18;

люди – 335, 38; 359, 17 (вм. людѣе – № 697, 139 б);
майстори – 335, 40 и др.

– широкое использование турцизмов, особенно в дамаскине № 335, например:

дѣварѣа – 335,36; сарай – 335, 40; сарае^т – 359, 18;

– довольно последовательное употребление членной морфемы.

КАЗИМИР ПОПКОНСТАНТИНОВ
(Велико Търново)

Оловен амулет с кирилско и глаголическо писмо

През последните години изследването на т. нар. апокрифни молитви бе окуражено и обогатено от значителен брой оловни амулети с врязани текстове на гръцки и старобългарски език. Значителна част от тези амулети са случайни находки. Такава находка е и намереният през 1998 г. оловен амулет, който е предмет на настоящия доклад.

Размерите на амулета в разгънато състояние са 14,7 см дължина и 3,3 см ширина. Височината на буквите варира между 3 и 4 см. Първоначално пластината е била навита на руло като е била прегъната на осем части. Върху двете ѝ страни е врязан старобългарски текст, разположен в 35 реда върху лицевата и в 27 непълни реда върху обратната страна.

Текстът е врязан с кирилско писмо, но авторът е използвал многократно и глаголическо писмо. Въпреки трудностите при възстановяването на текста, от запазената част става ясно, че това е заклинание срещу дявола, който иска да се всели в човека. Подобен текст за сега не ни е познат в известната ни апокрифна литература. Тази специфичност на текста, както и непознатата ни от други

амулетите употреба на смесено кирилско-глаголическо писмо, правят представения от нас паметник изключително интересен.

Палеографските и езикови особености на текста дават основание амулетът да бъде отнесен към писмените паметници от X век.

МАРИЯ РАЙКОВА
(София)

Към историята на наименованията на годината и на годишните времена в българския език

Някои от названията на годината и на годишните времена са известни още от старобългарските писмени паметници X–XI вв., като в историческия развой на българския език едни от тях са запазили основното си значение, други постепенно са измествани и заменяни от общоизвестни днес лексеми или са променили семантиката си. Всъщност лексикална вариантност се наблюдава при назоваване на годината и на три от годишните времена – лятото, пролетта и есента.

Годината, като основна единица за време, в старобългарските паметници X–XI вв. е назовавана с две лексеми, и двете многозначни – **лѣто** и **годъ**. Думата **лѣто** запазва тази си по-широка семантика до късно в ръкописите, като използването ѝ при посочване на годината в приписките е почти задължително. По-рядка е употребата на **годъ**, **година**, **годице**.

От наименованията на четирите годишни времена само при зимата няма колебание – засега се открива само лексемата **зима**. Пролетта се отбелязва обикновено в по-ранните паметници с **весна**, заменено по-късно с **пролѣтъ**, **пролѣтик**, като названията на тези два сезона се употребяват и в пряко, и в преносно значение. При лятото наименованието **жѣтва** – **жетва** – **жатва**, познато от най-ранните паметници, както и от по-късни преписи на произведенията на Йоан Екзарх, се запазва и по-нататък в ръкописите.

Наред с това тук ще бъде посочено едно сравнително рядко засвидетелствано название на сезона лято, останало встрани от вниманието на учените и неотбелязано в големите исторически речници. Става дума за текст от дамаскините, и по-точно за Словото

за Рождество Христово. Това е съчетанието **жътва и вършитба** за назоваване на лятото. То засега се открива в три преписа на Слово за Рождество Христово, от края на XVIII – началото на XIX в., в които липсва текстът, посветен на зодиите, и е интересен израз на възприемането на две основни селскостопански дейности, свързани с летния сезон – жътвата и вършитбата.

При есента положението е малко по-особено, тъй като, освен лексемата **късьнъ** в различни графични варианти, се среща още **късенна**.

Настоящото изследване представлява опит за тематично обобщаване на лексемите, използвани за назоваване на годината и нейните четири сезона в българската езикова история, въз основа на илюстративен материал от писмени паметници от X до XIX век.

Т. В. РОЖДЕСТВЕНСКАЯ
(С.-Петербург)

Глаголическая эпиграфика XI–XII веков в Древней Руси

1. Глаголица, древнейшая славянская азбука, не имела столь же широкого распространения в древнейшей русской письменности, как кириллица, которая начала использоваться на Руси еще в дохристианскую эпоху. Неизвестно ни одной глаголической русской рукописи, ни одной глаголической берестяной грамоты. Тем не менее в восьми кириллических русских рукописях XI–XIII вв.¹ имеются глаголические «вкрапления» – это отдельные слова или краткие фразы, инициалы и буквы. Около половины из этих рукописей предположительно имеют северорусское, в том числе, новгородское происхождение.

2. В начале XX в. фрагменты глаголических надписей-граффити были обнаружены в Новгороде на стенах и столбах Софийского собора во время проведения там архитектурно-ремонтных работ [Щепкин 1902]. В 1970-е годы А. А. Медынцева издала еще несколько софийских глаголических граффити [Медынцева 1978: 25–32].

¹ Сводный каталог славяно-русских рукописных книг, хранящихся в СССР. XI–XIII вв. М., 1984 (№ 30, 31, 41, 45, 50, 105, 176, 306).

К настоящему времени в Софийском соборе Новгорода известно 10 фрагментов глаголических и «смешанных» глаголическо-кириллических надписей. Все они датируются второй половиной – концом XI в. Эта датировка основана не только на данных палеографии древнейших славянских глаголических рукописей и надписей, но и на том основании, что глаголические и глаголическо-кириллические надписи в Софии Новгородской процарапаны по древней штукатурке до росписи храма в 1108 г. Три фрагмента глаголических надписей было открыто в 1960-х годах в Киеве, три – на стенах Софийского собора и один в Кирилловской церкви [Высоцкий 1966; Высоцкий 1985: 30]. Палеографически они датируются тем же временем, что и надписи из Новгорода.

3. В 1987 г. в процессе изучения граффити на стенах лестничной башни в Георгиевском соборе Юрьева монастыря в Новгороде, заложенном в 1119 г., мною была обнаружена трехстрочная кириллическая надпись, в составе которой имеются три глаголические буквы. Данные палеографии, графики, орфографии, равно как и архитектурно-стратиграфические показания датируют эту надпись в пределах первой половины – середины XII в. [Рождественская 1992: 52 – 57].

4. Надпись с глаголическими буквами **ѡ** «слово», **ѡ** «людие» и **ѡ** «онъ» расположена на стене башни на расстоянии 1 м от оконного проема и на высоте около 1 м от ступеньки лестницы. Надпись сильно испорчена трещинами и выбоинами. Полностью сохранилась лишь первая строка:

а се Созоне ѡ лютын
а се Сьрь(г)н(н)...
...н ѡ ѡ ...

И первая, и вторая строчки начинаются с конструкции «а се...». Такая структура текста в эпиграфике характерна для авторских подписей либо к изображению, либо к другим надписям, процарапанным рядом. Поэтому есть основания рассматривать все три строки, хотя и написанные, судя по почеркам, двумя людьми, как единый комплекс. От последней строки сохранились лишь четыре буквы – одна кириллическая и три глаголические. Таким образом, надпись в Георгиевском соборе относится к числу «смешанных» – кириллическо-глаголических. В тексте упоминаются два имени – *Созон* и *Сергий*. Трудно сказать, кто из них был автором последней строки и продемонстрировал знание глаголического алфавита: для

идентификации почерка данных слишком мало. Созон *лутый* (что в данном контексте следует понимать как синоним к «грешный, недостойный») оставил рядом на стене еще один автограф, где он называет себя *Созонтом: а се Созонте ѡль*. Особенности палеографии надписи Созона и надписи Созонта, их однотипная структура, варианты одного имени с большой долей вероятности свидетельствуют о том, что обе они написаны одним человеком. Оба варианта имени *Созонтии* равноправны в отношении их антропонимических моделей. Это имя не зафиксировано в берестяных грамотах, отсутствует упоминание св. Созонта и в русских месяцесловах XI–XIV вв. [Лосева 2001]. В форме Созон оно упоминается в русской «Молитве св. Троице» середины XII в. среди западных святых, наряду со святыми восточной церкви [Успенский 2002: 116; 132 прим. 65]. Надпись в Георгиевском соборе – одна из ранних фиксаций этого имени, что может свидетельствовать о путях проникновения культа св. Созона на Русь, в частности, в Новгород в первой половине XII в.

5. Реконструкция строки с тремя глаголическими буквами, ввиду плохой сохранности, проблематична. Одна из возможных интерпретаций надписи ...и сло... – фрагмент начальной фразы Евангелия от Иоанна «и Слово бѣ отъ Бога». Отметим, что, как древнейшие южнославянские глаголические надписи X–XII вв., так и древнерусские глаголические граффити из Киева и Новгорода по содержанию относятся к текстам богослужебного характера, что, конечно, связано с изначальной литургической функцией древнейшего славянского алфавита. Среди славянских глаголических надписей этого времени отсутствуют надписи «бытового» содержания. Поэтому предложенная интерпретация глаголического фрагмента на стене лестничной башни Георгиевского собора не противоречит, на наш взгляд, общехристианскому контексту функционирования глаголической письменности в раннюю эпоху.

6. Найденная надпись является свидетельством бытования «элитарного» знания, знакомства с глаголической письменной традицией в среде новгородских (в большей степени, чем киевских) книжников не только во второй половине – конце XI в. (Софийский собор), но и в первой половине XII в. В палеографическом отношении немногочисленная древнерусская глаголическая эпиграфика имеет аналогии среди глаголических надписей X–XI вв. из Болгарии и среди

древнейших глаголических рукописей. И Созон, и Сергей, оставившие свои автографы на стене Георгиевского собора, принадлежали к числу книжников, знакомых с глаголическим письмом. Скорее всего, они были людьми старшего поколения, среди которых сохранялись кирилло-мефодиевские традиции древнейшей славянской письменности. Но поскольку Созон и Сергей сознательно подчеркнули свое знание глаголического алфавита (а се... псалъ), это знание оставалось все же уделом немногих.

ЛИТЕРАТУРА

Высоцкий 1966: *Высоцкий С. А.* Древнерусские надписи Софии Киевской XI–XIV вв. Вып. I. Киев, 1966. Табл. IX, 2; X, 1; XVIII.

Высоцкий 1985: *Высоцкий С. А.* Эпиграфический корпус средневековых архитектурных надписей Киева (итоги исследования) // Археологические исследования Киева 1978–1983 гг. Киев., 1985.

Лосева 2001: *Лосева О. В.* Русские Месяцесловы XI–XIV веков. М., 2001.

Медынцева 1978: *Медынцева А. А.* Древнерусские надписи новгородского Софийского собора XI–XIV вв. М., 1978.

Рождественская 1992: *Рождественская Т. В.* Древнерусские надписи на стенах храмов. Новые источники XI–XV вв. СПб., 1992.

Успенский 2002: *Успенский Ф. Б.* Скандинавы. Варяги. Русь. Историко-филологические очерки. М., 2002.

Щепкин 1902: *Щепкин В. Н.* Новгородские надписи graffiti // Древности. Труды Московского археологического общества. Т. XIX. Вып. III. М., 1902.

МАРИЯ СПАСОВА
(Велико Търново)

За един друг подход в проучването на славянския превод на Евангелието

През последните десетилетия една от основните задачи на текстолозите-палеослависти е опитът им за реконструкция на първоначалния превод на Священото Писание и в частност на Тетраевангелието. Основният принцип е традиционен: проучването се води от ранните ръкописи в посока към късните.

Задачата на това проучване е конкретна: да се илюстрира чрез откъс от евангелския текст противоположният принцип на текстоло-

гично изследване чрез «разграждане» на славянския превод, т. е. изследването започва от най-късния препис и низходящо върви към най-ранния (ако искаме да уточним от какви строителни елементи и в каква последователност е построена една сграда, следва да я «разградим», започвайки от покрива, а не от основите).

Материалът, върху който се провежда проучването, е откъс от четири преписа на четвероевангелие: 1) Иван-Александрово (Лондонско) – 1356 г.; 2) Сучавско (Оксфордско) – 1429 г., автограф на Гавриил Урик; 3) Молдовско евангелие (№ 9500, ф. 178, РГБ) – XVI–XVII в.; 4) Евангелие от Драгомирна – 1613 г.

Илюстрираното тетраевангелие досега е било обект на проучване предимно с богата си орнаментика. В изследванията на изкуствоведите-палеослависти се сравняват илюстрациите между Лондонското, Сучавското и Молдовското (Евангелието от Драгомирна е проучвано единствено в студентска дипломна работа в България).

Върху езика на Лондонското евангелие има доста изследвания, през последните години те се активизираха във връзка с ревизията на становището относно началото на Търновската книжовна реформа.

Езиковите факти от съпоставката на откъса по четирите преписа се систематизират на синтактично, морфологично и лексикално равнище. Различията се проверяват за системност, т. е. дали са характерни за целия текст на Тетраевангелието. Само при такова условие има основания да се говори за *нов превод* или за *основна редакция* на превода. Наличието на спорадичност означава или частична сверка и ревизия на превода, или намеса на книжовника-преписвач в текста.

Този подход в проучването позволява да се открият иновациите (при това в «рамка»: след... до...). Схемата на съпоставката дава разклонения по отношение на рецепцията на този превод на тетраевангелието.

Текстологичният анализ, основан на такъв подход, може да породи ако не възражения, то скепсис, но едва ли ще може да се отрече, че резултатите от него несъмнено ще бъдат конкретни и научно обективни.

**Константин Костенецкий
и русские книжники первой четверти XV века
(к предыстории «Сказания о письменах»)**

1. Нет сомнений, что грамматический трактат Константина Философа Костенецкого получил известность на Руси достаточно поздно. Хотя есть основания предполагать, что единственный дошедший список первоначальной редакции памятника своим созданием связан непосредственно с поездкой в Москву печского патриарха Гавриила (1654 г.) [Турилов, в печ.], это событие отстоит от времени жизни Константина более чем на 200 лет. Но и сокращенная редакция («Словеса вкратце») становится известна восточнославянским книжникам едва ли ранее XVI в. (Хиландарский список № 481, бытовавший на молдавско-украинском пограничье, датируется второй четвертью этого столетия [Богдановић 1978: 183–184]), при этом первоначально, очевидно, на православных землях Великого княжества Литовского и польской Короны (Новопазарский список – Белград, Архив САНУ, № 26), написанный характерным великорусским полууставом (см. [Куев, Петков 1986: 557]), датируется последней третью XVI в. [Богдановић 1982: № 317]).

2. В настоящее время ощущается необходимость в дополнительном объяснении такого важного компонента феномена «второго южнославянского влияния», как достаточно широкое употребление рядом восточнославянских книгописцев (приблизительно с рубежа 1400–1410-х годов, т. е. уже позднее времени митрополита Киприана) среднеболгарской (тырновской) орфографии и новых, генетически связанных с южнославянскими, полууставных почерков. Сознательность подобной правописной ориентации подчеркивается существованием не только восточнославянских копий южнославянских переводов (списки аскетических сочинений 1410-х годов, Евангелия Мемнона-книгописца [Турилов 1993] и Аникеевское [Смирнова 1997] и др.), но и собственно древнерусских текстов с выдержанной среднеболгарской орфографией (например, слова Кирилла Туровского в Торжественнике триодном первой четверти XV в. – РНБ, ОЛДП, Ф. 218). На начальном этапе «второго южнославянского влияния» (последняя четверть XIV – начало XV в.)

подобные орфографические установки у восточнославянских писцов не наблюдаются, правописание копируемых текстов достаточно последовательно русифицируется (см. [Турилов 1998: 323], ср., впрочем: [Гальченко 2000: 328, 333]). Распространение среднеболгарской орфографии в русских рукописях происходит на фоне несомненного упадка болгарской письменности на Балканах (наследниками тырновских традиций выступают наряду с Русью Молдавия и – в меньшей степени – Валахия, при том, что популярный некогда – особенно в исторической литературе – тезис о масштабной эмиграции южнославянских книжников на Русь справедливо признается в настоящее время несостоятельным [Успенский 2002: 269–270]).

3. Ориентация восточнославянских книжников первой четверти XV в. на тырновские правописные нормы (а не на гораздо более популярные к этому времени на самих Балканах ресавские) может быть понята при условии четкого разграничения происхождения этой орфографии и ее восприятия русскими писцами. В русской книжности этого времени и позднее отсутствует понятие болгарской книги (в отличие от сербской), эквивалентом этого в какой-то мере служит определение «святогорская». Таким образом, можно предполагать, что престиж тырновской (и отчасти среднеболгарской в целом) орфографии на Руси базировался на представлениях, близких к изложенным в трактате Константина о исконном славянском правописании, установленном трудами первоучителей, и возрожденного заботами патриарха Евфимия. Очевидно, их кодификации в трактате костенецкого философа предшествовал достаточно длительный период устного бытования в среде просвещенного славянского монашества в обителях Афона и Константинополя.

ЛИТЕРАТУРА

Богдановић 1978: *Богдановић Д.* Каталог ћирилских рукописа манастира Хиландара. Београд, 1978.

Богдановић 1982: *Богдановић Д.* Инвентар ћирилских рукописа у Југославији. Београд, 1982.

Гальченко 2000: *Гальченко М. Г.* Книжная культура. Книгописание. Надписи на иконах Древней Руси: Избранные работы. М.; СПб., 2000.

Кувев, Петков 1986: *Кувев К., Петков Г.* Събрани съчинения на Константин Костенечки: Изследване и текст. София, 1986.

Смирнова 1997: *Смирнова Э. С.* Аникеево Евангелие: Малоизвестный памятник московской книжной миниатюры 1-й трети XV в. // Древнерусское искусство. СПб., 1997, с. 171–191.

Турилов 1993: *Турилов А. А.* О времени и месте создания пергаменного Евангелия «Мемнона книгописца» (БАН, Доброхот. 26) // Информационный бюллетень МАИРСК. Вып. 26. М., 1993, с. 15–46.

Турилов 1998: *Турилов А. А.* Восточнославянская книжная культура конца XIV–XV в. и «второе южнославянское влияние» // Древнерусское искусство: Сергей Радонежский и художественная культура Москвы XIV–XV вв. СПб., 1998, с. 321–337.

Турилов, в печ.: *Турилов А. А.* Кем и с какой целью был изготовлен Карловацкий список грамматического трактата Константина Костенечского? // Сборник к 60-летию проф. Джордже Трифуновича. Београд (в печати).

Успенский 2002: *Успенский Б. А.* История русского литературного языка (XI–XVII вв.). 3-е изд. М., 2002.

М. И. ЧЕРНЫШЕВА
(Москва)

Тематическая лексикография XVIII века

XVIII век, как и вторую половину XX в., заслуженно называют «эпохой словарей». Коренные перемены в жизни общества вызвали буквально «лексикографический взрыв» – по данным справочника В. П. Вомперского «Словари XVIII века» (М., 1986) появилось около 300 словарей самого разного типа. Обычно их делят на четыре группы: 1) словари русско-иноязычные и иноязычно-русские (сначала это были переводы с европейских языков, а затем появились и отечественные образцы); 2) словари иностранных и непонятных слов; 3) словари, условно называемые «специальными» (разного рода терминологические и энциклопедические); 4) толковые словари.

Богаче всего представлена, по понятным причинам, лексикография первого типа: дву- и многоязычные лексиконы, где первоначально обязательно присутствовал греческий язык, затем наряду с ним полагался латинский, который к концу века постепенно стал почти обязательным членом иноязычных словарей. Среди замечательных образцов этого типа известны труды: И. М. Геснера (Полный латинский Геснеров лексикон, с прибавлением к нему греческих слов и российского реэстра... М., 1796–1798), М. Г. Гаврилова (Новый лексикон, на немецком, французском, латинском, италийском и русском языках... М., 1781) и многие другие.

Среди словарей второго типа можно назвать рукописный лексикон В. Н. Татищева (Лексикон, сочиненный для приписывания иноязычных слов, обретающихся в России народов...; словарь составлен в 30–40-е годы XVIII в.) и др.

Нет нужды останавливаться на четвертом типе – может быть, самом изученном, – представляющем толковые словари, так как он имел свое продолжение в целом ряде словарей XIX в. (апофеозом развития словарей этого направления по праву считается «Словарь Академии Российской» 1789–1794 гг., хотя ему предшествовал целый ряд лексикографических трудов, среди которых нельзя не упомянуть знаменитый «Церковный словарь» П. А. Алексеева – М., 1773, «Дополнение» – М., 1776, «Продолжение» – М., 1779).

Нам хотелось бы привлечь внимание к третьему, малоизученному во многих отношениях лексикографическому типу, представляющему так называемые «специальные словари». Среди них такое обилие разновидностей, что они порой с трудом поддаются классификации. Во-первых, это вызванные интересом к происхождению слова этимологические словари (например, «Российской Целлариус» Ф. Гельтергофа. М., 1771; «Словарь французских речений первообразных... с немецким, латинским и российским переводами» И. Ф. Яковкина. СПб., 1796); повышенное внимание к этимологии объясняет выбор гнездового типа расположения лексики при создании первого варианта «Словаря Академии Российской», т. е. определено исходное движение от «первообразного» слова. Во-вторых, это энциклопедические словари (среди первых опытов такого рода можно назвать словарь И. П. Алексеева «Пространное поле...или Всеобщий исторический оригинальный словарь...». Т. 1–2. М., 1793–1794). В-третьих, появилась большая группа терминологических словарей (к примеру, сюда можно отнести «Краткий мифологический лексикон» М. Д. Чулкова – СПб., 1767; «Лексикон российской исторической, географической, политической и гражданской» В. Н. Татищева – СПб., 1793) и мн. др. Между терминологическими и энциклопедическими словарями балансируют многочисленные «реэстры» и приложения к книгам самого разного содержания (например, список специальной терминологии в книге Самуила Пуфендорфа «О должностях человека гражданина...» – СПб., 1726: *Предложение или предлогъ. – Objectum. Diciturъe чelовѣчecкое. – Actio Humana. Умъ. – Intellectus* и т. д.).

Внутри третьего типа словарей нас особенно интересуют так называемые тематические словари, которые долгое время оставались

почти вне поля зрения исследователей, однако именно они являются предшественниками того современного направления, которое называют то семантической, то идеографической лексикографией. Тематическая лексикография XVIII в. – прямая наследница древнерусской лексикографии, поскольку наши первые словарики были построены как раз по темам («Бог», «небо», «человек» – вот первые группы лексики, которые дальше расширялись). Принято считать, что тематическая лексикография является учебной, так как служит подспорьем при изучении иностранного языка. Среди известных нам тематических словарей XVIII в. более всего отвечает этому требованию приложение (в виде тематического индекса слов) к «Английской грамматике» учителя морского шляхетского кадетского Корпуса Прохора Жданова (СПб., 1772). Что же касается других тематических словарей, среди которых видное место занимают: «Лексикон» Копиевского – Амстердам, 1700, «Краткое собрание имен» Ф. Поликарпова – М., 1701, тематическая подборка переводчика В. Е. Теплова к «Новой французской грамматике» – СПб., 1752 и соотносимого с ней «Собрания слов французских, российских и немецких» – СПб., 1773, то уже первый опыт сравнения этих словарей показывает, что, несмотря на сходство, существенное различие между ними состоит в том, что в них происходит постепенное упорядочение лексики на понятийном уровне, исходя из семантических признаков групп слов, так что со временем в этих словарях сформировалась довольно тонкая нюансировка семантики.

Упрощенный подход к анализу тематической лексикографии XVIII в., при котором ее толкуют только как учебную, привел к тому, что эта интереснейшая глава в истории русской лексикографии осталась, практически, непрочитанной.

Н. С. ШАКУН
(Минск)

Да праблемы лексічных асаблівасцяў Тураўскіх лістоў евангельскіх чытанняў

Да гэтага часу застаецца дыскусійнай праблема паходжання так званых Тураўскіх лістоў евангельскіх чытанняў (далей па тэксце

ТЛ) – захаванага ўрыўка (10 аркушаў) старажытнага апракаснага евангелля, якое следам за І. Сразнеўскім [Срезневский 1867: 30–33] прынята датаваць XI ст. Помнік быў досыць падрабязна даследаваны расійскімі славістамі на прадмет палеаграфічных, граматычных і лексічных асаблівасцяў з мэтай яго лакалізацыі і ўзнаўлення гіпатэтычнага праатографа, аднак думкі на гэты конт першапачаткова разыходзіліся.

У дадзеным дакладзе з мэтай вызначыць прыроду паходжання ТЛ прадстаўлены фрагмент аналізу лексікі рукапісу (вызначэнне ступені архаічнасці і найбольш яскравых розначытанняў з іншымі старажытнымі кананічнымі помнікамі), са звядзеннем вынікаў даследаванняў у гэтай галіне расійскіх, балгарскіх і венгерскіх навукоўцаў.

Першымі на надзвычайную архаічнасць лексічнай сістэмы ТЛ звярнулі ўвагу І. Сразнеўскі, параўнаўшы яе з адпаведнай у АЕ (спіс скарачэнняў прыводзіцца ў канцы), і Ф. Дабранскі [Добрянский 1882: 6], які ў сваім каментары да помніку ў каталозе-апісанні фонду старажытных рукапісаў і старадрукаў Віленскай публічнай бібліятэкі прапануе амаль поўны спіс *лексічных розначытанняў* (тое, што Р. Цэйтлін называе «*тэксталагічнымі дублетамі*») у ТЛ і АЕ:

ТЛ	АЕ
двѣрникъ	вратарь
клепѣ	знаменаѣ
въ кѣжѣ стражѣ	въ кѣжѣ ноцѣ
подѣрыти	подѣкопати
рѣша	рекоша
въ сѣньмищи	въ сѣворищи
възати	отѣстѣпити
въметемъ	въвръжемъ
исполѣншиѣ	наплѣншиѣ
сквозѣ скѣдѣлы	сквозѣ покровѣ
дивьна	прѣславьна
милосрдн	милостивн
мытарѣ	мѣздомьца
велик	велико

На карысць старажытнасці евангелля могуць сведчыць таксама некаторыя паўднёvasлавянiзмы, да ліку якіх можна, паводле меркавання В. Нядзелькавіч, аднесці наступныя: **заповѣдь** (яму ў

іншых рэдакцыях звычайна адпавядае **повелѣнник**), **подърыти** (адпаведнік – **подъкопати**), **моудити** (замест **къснѣти**). Як бачна з прыведзеных прыкладаў, сярод вядомых найстаражытнейшых усходнеславянскіх кананічных тэкстаў менавіта ўрыўкі з Тураўскага евангелля прэзентуюць найбольш архаічны склад лексікі.

На сучасным этапе лексічныя асаблівасці ТЛ сталі аб'ектам глыбокага і рознабаковага даследавання венгерскага славіста Г. Хорвата [Тот, Хоргоши, Хорват 1977: 231–238], які прысвяціў гэтай праблеме асобны артыкул, дзе супастаўляе тэксты ТЛ з тэкстамі АЕ, ДЕ і Мсц.Е і выяўляе тэксталагічныя варыянты па кожнай асобнай часціне мовы (прычым яго цікаваць менавіта тыя разыходжанні, што маюць лексічнае значэнне – г.зн., не аналізаваліся графічныя розначытанні (**оче/отъче**); граматычныя варыянты (**въ вѣкъ/въ вѣкы**); а таксама «апіскі» (**видать гласъ кго**). У групе назоўнікаў следам за Ф. Дабранскім, П. Гільтэбрандтам [Гильтебрандт 1869] ён звяртае ўвагу на наступныя лексемы ТЛ: **въ сѣнъмищи**, **кънижьници**, **храмины своен**, **мыгара**, **въ годниж** і г. д. Сярод прыметнікаў ім асобна выдзяляецца ўжыванне формы **велик** (заўважым, што Р. Цэйтлін [Цейтлин 1977: 228] вызначае гэтую форму як охрыдскую, прэслаўскім жа адпаведнікам будзе **великъ**); чаргаванне прыналежных займеннікаў (займенніку **своє** ў ДЕ адпавядае ў ТЛ **твое**); а сярод дзеясловаў Г. Хорват вылучае лексемы **клепалъ**, **въметемъ**, **испльниша**, **подърыти** (прычым пасля апошняй ужыта імя ў форме Р. скл.).

Вышэйзгаданыя даследаванні ставілі сабе на мэце найперш тэксталагічнае і лексічнае параўнанне тэксту ТЛ з іншымі кананічнымі тэкстамі паўднёва- і ўсходнеславянскіх евангелляў, але не інтэрпрэтацы розначытанняў са спробай узнаўлення гіпатэтычнага праатографу, альбо звязвання з охрыдскай/прэслаўскай традыцыяй.

З гэтай нагоды звернемся да працы К. Мірчава [Мирчев 1958]; сюды ж І. Гылыбаў [Гъльбов 1986: 131], – дзе даследчык прапануе каля 20 лексічных пар (Охрыд : Прэслаў), якія дыягнастуюць прыналежнасць тэксту да адной з дзвюх школ. (Тут варта адзначыць, што пытанне антытэзы «охрыдскае/прэслаўскае» слова дагэтуль выклікае шмат спрэчак і застаецца адкрытым.) У ТЛ сустракаецца 7 лексем з прапанаваных К. Мірчавым, прычым 6 з іх з'яўляюцца левымі апазіцыямі, г. зн. лексемамі, характэрнымі для охрыдскай школы: **храмина**, **женихъ**, **сѣньмъ** (**сѣньмище**), **велин**, **тъкъмо**, **ради**.

Апроч таго, у тэксце можна выдзяліць асобна два выпадкі ўжывання лексем, якія аўтарытэтны даследчык лексікі помнікаў старажытнаславянскай пісьменнасці А. Львоў [Львов 1966: 150] вызначае як прыналежаўшы да перыяду бытавання першых кірыла-мяфодзіеўскіх перакладаў, гэта:

1) **клепла**: даследчык сцвяржае, што ў першых перакладах апракасу ўжывалася якраз слова **клепати**, якое пазней ва Усходняй Балгарыі замянілі на **знаменовати**; такім чынам, у ТЛ ужываецца больш старажытны, першасны варыянт;

2) **сьньмъ** (**сьньмиште**): большую архаічнасць гэтай лексемы ў адносінах да **сьборъ** (**сьбориште**) адзначаў яшчэ І. Ягіч, які першы кампанент тэксталагічнага дублету звязваў з глагалічнымі помнікамі, а другі – з кірылічнымі, усходнебалгарскімі.

Такім чынам, улічваючы 6 лексем, якія паводле К. Мірчава варта звязваць з школай у Охрыдзе, а таксама агульную тэндэнцыю да выкарыстання найстаражытнейшай лексікі, можна меркаваць, што ТЛ каранямі сваімі ўзыходзяць найхутчэй да *праатографа*, што найхутчэй належыць да охрыдскай традыцыі.

СПІС СКАРАЧЭННЯЎ

АЕ – Астрамірава евангелле.

ДЕ – Дабрылава евангелле.

Мсц.Е. – Мсціславава евангелле.

ЛІТАРАТУРА

Гильтебрандт 1869: *Гильтебрандт П.* Туровское Евангелие одиннадцатого века. Вильна, 1869.

Гъльбов 1986: *Гъльбов И.* Избрани трудове по езикознание. София, 1986.

Добрянский 1882: *Добрянский Ф.* Описание рукописей Виленской публичной библиотеки, церковнославянских и русских. Ч. 1. Вильна, 1882.

Львов 1966: *Львов А. С.* Очерки по лексике памятников старославянской письменности. М., 1966.

Мирчев 1958: *Мирчев К.* Историческа граматика на българския език. София, 1958.

Срезневский 1867: *Срезневский И. И.* Сведения и заметки о неизвестных и малоизвестных памятниках // Записки Императорской Академии наук. Т. XI (1867), кн.1. Приложение 2.

Тот, Хоргоши, Хорват 1977: *Тот И., Хоргоши Э., Хорват Г.* Туровские листки. *Dissertationes Slavicae.* Bd. XIII. Szeged, 1977.

Цейтлин 1977: *Цейтлин Р. М.* Лексика старославянского языка. Опыт анализа мотивированных слов. М., 1977.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Мария Бакърджиева</i> (София). Семантичната категория темпоралност и особености на темпоралната лексика.....	3
<i>Емилия Благова</i> (Прага). Переводческие проблемы первых славянских переводчиков Библии.....	5
<i>Мая Божилова</i> (София). Конотацията като лексикографски тип в Многотомния речник на българския език.....	6
<i>Кина Вачкова</i> (Шумен). Иновации от композитен тип в съвременните славянски езици.....	10
<i>Г. К. Венедиктов</i> (Москва). К истории дискуссий о некоторых важнейших терминах палеославистики.....	12
<i>Е. М. Верещагин</i> (Москва). Канон первоучителя Кирилла 861 г. как исторический источник.....	14
<i>Петя Гълбова</i> (София). За един вид транспозиция на съществителните имена в българския език (значението на съчетанието <i>в знак на</i>).....	16
<i>Е. И. Демина</i> (Москва). Роль древнеболгарской литературно-языковой традиции в формировании книжного болгарского языка XVII века на народной основе.....	17
<i>Ценка Досева</i> (София). К изучению лексики древнерусских списков Мшней за сентябрь–декабрь.....	20
<i>В. С. Ефимова</i> (Москва). К вопросу о продуктивности старославянских морфем.....	22
<i>Йорданка Захариева</i> (София). Дрехите на българина през Възраждането.....	26
<i>Диана Иванова</i> (Пловдив–Познань). Търговищкото печатно тетраевангелие (1512 г.) и Острожката Библия (1581 г.). Опит за текстологична и лексикална съпоставка.....	26
<i>Г. П. Клепикова</i> (Москва). К изучению славяно-румынских взаимодействий в лексико-семантической сфере (обозначение времени и временных отрезков в румынских диалектах: <i>ceas</i>).....	30

<i>Петя Костадинова</i> (София). Етнолингвистични аспекти на Възраждането (Къщите и дрехите на българина).....	33
<i>Ю. А. Лабунцев, Л. Л. Щавинская</i> (Москва). Рукописный словарь «прстой мовы» Н. С. Врублевского и церковнославянизмы в его составе.....	34
<i>Мария Лилова</i> (София). Системен подход при проучване на семантичните иновации и тяхното лексикографско описание.....	36
<i>В. М. Ляшук</i> (Минск). Языковые изменения при литературной обработке прозаического фольклорного текста.....	37
<i>Елка Мирчева</i> (София). Към българската историческа лексикология (един среднобългарски ръкопис и проблемът за старобългарската лексика).....	41
<i>А. С. Новикова</i> (Москва). Из истории славянского перевода текста Тайной Вечери.....	43
<i>Сабина Павлова</i> (София). Речник на отдавна забравеното.....	46
<i>А. А. Пичхадзе</i> (Москва). Две древнейшие редакции славянского Евангелия: Зографское и Ассеманиево евангелия.....	48
<i>И. В. Платонова</i> (Москва). О языке рукописных дамаскинов XIX века (функционирование имен существительных в дамаскинах).....	50
<i>Казимир Попконстантинов</i> (Велико Търново). Оловен амулет с кирилско и глаголическо писмо.....	52
<i>Мария Райкова</i> (София). Към историята на наименованията на годината и на годишните времена в българския език.....	53
<i>Т. В. Рождественская</i> (С.-Петербург). Глаголическая эпиграфика XI–XII веков в Древней Руси.....	54
<i>Мария Спасова</i> (Велико Търново). За един друг подход в проучването на славянския превод на Евангелието.....	57
<i>А. А. Турилов</i> (Москва). Константин Костенецкий и русские книжники первой четверти XV века (к предыстории «Сказания о письменах»).....	59
<i>М. И. Чернышева</i> (Москва). Тематическая лексикография XVIII века.....	61
<i>Н. С. Шахун</i> (Минск). Да праблемы лексичных асаблівасцяў Тураўскіх лісткоў евангельскіх чытанняў.....	63

ПАЛЕОСЛАВИСТИКА
ЛЕКСИКОЛОГИЯ
ЛЕКСИКОГРАФИЯ

Тезисы международной научной конференции,
посвященной памяти Р. М. Цейтлин,
27–29 ноября 2002 г.

Научное издание

Ответственный редактор
доктор филологических наук А. Ф. Журавлев

ИД № 01574 от 17 апреля 2000 г.

Подписано в печать 1.10.2002 г.
Тираж 200 экз. Заказ № 126

Печ. л. 4,5.
Цена договорная

ОАО «Ловатера» г. Москва

